

КРИСТИАН ГОТТХИЛЬФ
ЗАЛЬЦМАНН

КНИЖКА ДЛЯ РАКОВ
*
КНИЖКА ДЛЯ МУРАВЬЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО РАЙХЛЬ

Кристиан Зальцманн

**Книжка для раков. Книжка
для муравьев (сборник)**

«Отто Райхль»

Зальцманн К. Г.

Книжка для раков. Книжка для муравьев (сборник) /
К. Г. Зальцманн — «Отто Райхль»,

Причину всех недостатков пороков своих детей родители должны искать в самих себе. Таков символ веры, фундамент, на котором Зальцманн выстраивал свою педагогику как результат многолетнего наблюдения за своими собственными детьми и воспитанниками. Приведенные здесь, в «Книжке для раков», наглядные примеры «неразумного воспитания» помогают нам осознать наше собственное поведение в отношениях с другими людьми и значительно продвигают нас, а следовательно, и наших детей по пути к совершенству. Ведь дети судят о нас не столько по нашим словам, сколько по нашим делам и поступкам. Стало быть, если мы хотим видеть наших детей здоровыми, веселыми, внимательными и добродушными, то вначале должны позаботиться о том, чтобы самим стать живым образцом этих качеств – в противном случае все ваши слова и увещания окажутся напрасным трудом.

© Зальцманн К. Г.

© Отто Райхль

Содержание

Введение	7
КНИЖКА ДЛЯ РАКОВ	17
Предисловие	17
Предисловие к третьему изданию	23
Предисловие к четвертому изданию	24
Как вызвать к себе ненависть у детей	25
Как сделать, чтобы дети тебе не верили	31
Как сделать, чтобы дети тебя презирали	32
Способ заблаговременно вселить в детей ненависть и зависть к своим братьям и сестрам	35
Как заглушить у детей любовь к людям	38
Как научить детей жестокости	41
Как сделать детей мстительными	43
Как сделать детей завистливыми	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

CHRIST: GOTTHILF SALZMANN.

Кристиан Готтхильф Зальцманн

Книжка для раков. Книжка для муравьев

© Маттиас Дрегер, издательство «Райхль», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Кристиан Готтхильф Зальцманн появился на свет 1 июня 1744 года в тюрингском городке Зёммерда близ Эрфурта. Его мать, Рахель Маргарета Сибилле, была дочерью местного аптекаря, отец, Иоганн Кристиан Зальцманн, – дьяконом и впоследствии пастором в Зёммерде. «Помоги, Боже! [Gott hilf]» – таким было первое желание, высказанное отцом, опасавшимся за жизнь ребенка, и поэтому на следующий день при крещении мальчик получил имя Кристиан Готтхильф.

Таким образом, свое детство Зальцманн провел в духовной атмосфере дома лютеранского пастора. Благодаря матери смывленный мальчик уже в пять лет научился читать и писать; после школьных занятий отец обучал его дома еще и латыни, так что чуть позже по просьбе одного несведущего в этом предмете учителя он мог исправлять работы его учеников.

В 1759 году отца Зальцманна приглашают в Эрфурт в качестве дьякона; поэтому юный Зальцманн не оканчивает школу, а готовится к университету дома благодаря частным урокам, прежде всего по древним языкам.

В семнадцать лет он становится студентом близлежащего университета Йены, избрав для изучения теологию. Он держится вдалеке от обычных, зачастую грубых студенческих проделок своих товарищей по учебе и ведет скромную, трудолюбивую жизнь. В это время он занимается наблюдениями за природой, чему прежде всего способствовали прогулки в прелестный и очаровательный Рауталь в окрестностях Коспеды. Природа ведь о многом говорит, а все, что порождается ею, играло важную роль в учебно-воспитательном процессе в заведении Шнепфенталь, которое он возглавил позднее. Формируется основа мировосприятия будущего талантливого воспитателя – он учится по малому судить о великом, видеть в природе труд Творца. Эта тяга к природе, к исконному, практическому, полезному, впоследствии становится главным элементом в воспитательной работе Зальцманна. Уже в его раннем труде «О самых действенных средствах привить детям религию» красной нитью проходит эта черта: в полную противоположность моде своего времени, Зальцманн хочет, отталкиваясь от простого, подвести ребенка к высшему, прежде чем ознакомить с учением о триединстве и догматами Кристианства, сперва привить детям доброту, понимание ценности хороших поступков и связанную с ними радость, чтобы затем выстраивать на этом все остальное. Благодаря погружению в природу в часы уединения в Раутале с Зальцманном происходит радикальная перемена, которую он впоследствии назовет своим «духовным обновлением».

После экзамена по теологии в Эрфурте в 1768 году Зальцманн получает скромное место пастора в Рорборне под Эрфуртом и четыре года трудится там в качестве проповедника и пастыря своей деревенской общины. В Рорборне у своих братьев он познакомился с Софией Шнелль, 14-летней, но для своего возраста уже очень зрелой дочерью священнослужителя в замке Виппах. 15 мая 1770 года состоялась свадьба счастливой пары; за годы их брака София должна была подарить своему супругу не меньше пятнадцати детей.

Уже вскоре после свадьбы для молодой семьи наступают тяжелые времена в Рорборне, где сперва через несколько недель после рождения умирает их первенец, а затем родители Софии, оставившие после себя двух осиротевших дочерей в возрасте семи и двенадцати лет, которых Зальцманн и его жена берут к себе. Из-за этого их финансовое положение становится еще напряженней, а потому предложение занять место дьякона в Эрфурте с дотацией в 30 талеров, которое Зальцманн принимает по совету и просьбе своей супруги, пришлось очень кстати.

Тогдашние условия жизни в Эрфурте едва ли можно себе представить; Боссе и Мейер рассказывают об этом в «Жизни Зальцманна»: «Город был страшно измотан Семилетней войной. Нескончаемые прохождения войск, расквартирования и контрибуции всех ведущих войну

сторон нанесли тяжелый ущерб благосостоянию жителей. К этому надо добавить неурожай, голод и эпидемию 1771–1772 годов, охватившую всю Тюрингию. Многие люди были унесены болотной лихорадкой и оспой, выжившие владели жалкое существование, страшная нужда толкала на многочисленные преступления, нравы дичали. В самом городе смертность была вдвое больше, чем в прошлые годы; одних только священников от коварной болезни умерло семь человек, заразившихся при исполнении своих обязанностей. Вскоре один за другим умерли и оба пастора в церкви Андреаса, а потому Зальцманна, в третье воскресенье после Пасхи прочитавшего свою первую проповедь в качестве дьякона, уже в день Вознесения сделали пастором церкви Андреаса»¹.

Смена деревенской идиллии Рорборна, четыре года которой Зальцманн причислил к «самому счастливому времени своей жизни», на Эрфурт должна была означать для Зальцманна немалую жертву, тем более что еще в Рорборне он вынашивал планы создать в деревне собственное учебно-воспитательное заведение. Вместо этого, будучи пастором и духовником, он сталкивается в Эрфурте со всей тяжестью человеческих бед. Лишения этого времени производят на Зальцманна тяжелое впечатление, его приемный сын Аусфельд пишет об условиях жизни в Эрфурте: «Профессия часто приводила его в обители горя, в хижины бедняков, в покои больных, в исправительные дома, тюрьмы (иногда в глухие, сырые лачуги, затерявшиеся под рыбным базаром, в которые через маленькие железные решетки вместе с грязью улиц разве что иногда попадал и луч света) и дома для сирот. Сколько несчастных предстало перед его взором, как часто сердцем его, полным любви к людям, овладевало сострадание, искреннейшее участие к бедам этих несчастных!»

Именно здесь Зальцманн становится пламенным поборником лучшей жизни. Нищета, с которой он сталкивается в Эрфурте, находит свое детальное литературное выражение в шеститомном романе «Карл фон Карлсберг, или о человеческой нищете», в котором Зальцманн не только разоблачает недостатки того времени, но и показывает пути, какими можно их устранить.

Аусфельд сообщает об этом времени следующее: «Очень скоро он осознал, что главные источники бед, от которых страдает так много людей, надо искать в них самих; что невежество, суеверие, неверие, лень, корыстолюбие, безрассудность и другие пороки влекут за собой уйму бед. Размышления навели его на два главных средства: 1) людям нужно открыть глаза на источники нищеты, от которой изнемогают они и их братья, и им нужно привить убеждение, что только от них зависит, избавятся они или нет от множества бед; и 2) детей надо воспитывать лучше, обучать целесообразней, чем прежде».

В Эрфурте в семье Зальцманна рождаются пять детей. Зальцманн как отец внимательно наблюдает за их задатками и наклонностями. «Свой педагогический опыт, – часто говорил он впоследствии, – я накопил в кругу моих детей».

Его дети получают простую, но здоровую пищу, преимущественно из собственного сада, носят простую одежду, у них мало игрушек, зато они проводят больше времени вне стен дома, на лоне природы, прежде всего в домашнем садике, где отец – который сам сажает деревья, выращивает овощи и растит цветы – может оберегать их от улицы и регулярно занимать занятиями, которые им приходится по душе. Да и «приятные вечерние развлечения, которые он устраивает для того, чтобы улучшить настроение себе самому и наставлять малышей, во многом способствуют счастью уютного семейного круга»² (Аусфельд).

¹ «Chr. Gotth. Salzmanns Schriften», Reihe Pädagogischer Klassiker, Pichlers Witwe & Sohn, Wien 1886; переиздано в «Salzmanns pädagogische Schriften II», Reichl Verlag, ca. 2008.

² «Развлечения для детей и их друзей» (8 томов, Крусиус, Лейпциг, 1778–1787) стали первым писательским трудом Зальцманна.

Благодаря своей мягкости, своей терпимости, своему общему благотворному влиянию Зальцманн приобрел большой авторитет, а также многих друзей и почитателей, причем не только в Эрфурте.

Смелой публикацией труда «О самых действенных средствах прививать детям основы веры»³, который радикально порывает с прежней практикой по большей части бездумного заучивания наизусть и делает акцент на формировании у детей правильного образа мыслей, Зальцманн навлек на себя гнев ортодоксальных эрфуртских священнослужителей, тем более что, будучи лютеранином, он продолжал по-дружески общаться с католическими священниками и монахами. Некий проповедник главной эрфуртской церкви предложил даже заклеить «опасные новшества» с кафедры, что, правда, имело противоположный эффект – этот труд стал известен более широким кругам и только увеличил аудиторию Зальцманна.

В 1780 году Зальцмана пригласили на работу в учебно-воспитательном заведении «Филантропин» в Дессау, основанном в 1774 году Базедовым.

В свое время «Филантропин» был самым знаменитым учреждением такого рода. Зальцманн работал здесь с 1781 по 1784 год учителем религии и богословом. При поступлении он получает звание профессора и 400 талеров жалованья. Хотя Зальцманн нашел в «Филантропине» в Дессау многое из того, к чему он стремился и что было частью его собственных планов и размышлений, кое-что в этом институте его представлениям все же не соответствовало. Позднее Зальцманн пишет (в работе «Еще кое-что о воспитании...», 1784) о своем отношении к «Филантропину»: «Эта связь с институтом в Дессау была для меня необычайно важной. Я пришел на место, где самостоятельно мыслящие воспитатели уже несколько лет работали и продолжали работать, имея почти неограниченную свободу, и благодаря этому получил возможность судить, что в искусстве воспитания осуществимо, а что – нет, почему этот план удался, а другой потерпел неудачу, почему данное учреждение добилось столь многого, а по какой причине не добилось большего. Поэтому я всю жизнь буду себя считать должником сего замечательного учреждения и никогда не забуду, что все, что мне еще предстоит сделать на этом свете, не состоялось бы, если бы руководители этого учреждения не пригласили меня к себе и не позволили мне наблюдать за их работой и в ней участвовать.

Но чем больше я понимал суть этого учебно-воспитательного заведения, тем больше убеждался, что план, который лежал здесь в основе, хотя и был очень хорошим, но не тем, что я тогда вынашивал. Мне не оставалось ничего другого, как выбрать один из четырех путей, и я долго не мог решить, какой именно. Или постараться постепенно включить мои идеи в уже существующий план, или употребить мою энергию на то, чтобы этот план опровергнуть, и предложить свой, или покинуть институт и найти себе место, где я мог бы реализовать свои идеи, или отказаться от моего плана и работать строго по существующему».

Вскоре Зальцманн решил покинуть Дессау, чтобы в сельской местности осуществить свои давно вынашиваемые планы по созданию собственного воспитательного учреждения.

Осуществить этот замысел Зальцманну помогли прежде всего три человека: Рудольф Захариас Беккер, издававший для «Филантропина» «Дессаускую газету для молодежи и их друзей», герцог Эрнст II Готский и Альтенбургский, а также садовник при дворе в Готе Хр. Г. Вемейер. Еще в конце 1782 года Зальцманн посвятил Беккера в свои планы создания собственного института, и тот свел его с герцогом. Герцог, образец правителя, «отец соотечественникам, воодушевленный важностью своей миссии, преисполненный чувством долга, беспрестанно что-либо делавший во благо своей страны» (Боссе), благосклонно отнесся к планам Зальцманна, более того, предложил Зальцманну одну из своих усадеб для запланированного института! Но Зальцманн хотел создать нечто самостоятельное, полностью независимое, и герцог Эрнст II поддержал покупку имения Шнепфенталь, которое по поручению Зальцманна

³ Крусинус, Лейпциг 1780; переиздано в «Педагогических сочинениях Зальцманна II», 2008.

разыскал и за 8000 мейсенских гульденов (в пересчете – 7000 имперских талеров, из них 4000 талеров – дар герцога) приобрел Вемейер.

Великодушие, с которым герцог Эрнст с самого начала поддерживал предприятие Зальцманна, и наделение Шнепфентале важными преимуществами и привилегиями позволили Зальцманну сравнительно легко разорвать связь с Дессау, хотя поначалу он очень болезненно переживал разлуку со своими тамошними воспитанниками. И еще до того как Зальцманн подал прошение об увольнении из «Филантропина», чтобы обеспечить себе и своей семье безбедное существование в будущем, он заключил с издателем Крусиусом из Лейпцига договор, по которому тот обещал каждый год выплачивать определенную сумму денег, а Зальцманн взамен – создавать определенные писательские труды.

29 февраля 1784 года семья Зальцманна покинула Дессау, и небольшая группа путешественников, состоявшая из родителей, тети Евы, шести детей, маленького Аусфельда и верной служанки, 7 марта появилась в Шнепфентале.

Мы вышли бы за рамки этого предисловия, если бы детальней остановились на создании института воспитания в Шнепфентале и его разнообразных учреждений. Но некоторые особенности стоит упомянуть: Зальцманн придавал большое значение ориентированному на природу физическому воспитанию и развитию своих питомцев; укрепление тела и обучение лучшему владению им включало в себя даже относительно напряженный физический труд.

Время подъема зависело от времени года. Зимой ученики вставали в шесть часов, весной и осенью – в пять, летом воспитанники обычно поднимались уже в четыре часа, затем с пяти до шести часов «работали лопатой», то есть занимались земляными работами – с помощью лопаты и тачки заменяли каменистую почву плодородной садовой землей и разбивали грядки. Таким же образом насыпался грунт и перед домами воспитанников – так появились пригодные для садоводства участки земли.

Десятиминутные перерывы между лекциями, начинавшимися в семь часов, проводились на открытом воздухе. После лекций в течение часа можно было переработать и усвоить изученное.

Физическое закаливание вообще и движение в частности играют важную роль в системе воспитания в Шнепфентале. Зальцманн (1808) сообщает, что движению – прежде всего в виде гимнастики (с 11 до 12 часов дня) и прогулок, игр или даже верховой езды ежедневно уделялось три часа. Более того, Шнепфенталь можно рассматривать как колыбель гимнастических занятий в Германии: в 1785 году Зальцманн решил безвозмездно взять к себе на воспитание обоих детей фрау Риттер, молодой вдовы из Кведлинбурга, потерявшей своего мужа-врача. Карл и Иоганн присоединились к его сыну Фридриху и юному Аусфельду. Одновременно он принял на работу учителем в Шнепфентале их прежнего гувернера, Иоганна Христофа Фридриха Гутсмута. По прибытии в Шнепфенталь Гутсмут⁴ застал там лишь одну-единственную «площадку для гимнастических упражнений, наполовину свободную, наполовину устланную книгами», которую после собственных упражнений, раздумий и изучения гимнастики древности он постепенно оборудовал особыми гимнастическими снарядами и приспособлениями, и в дальнейшем эта площадка приобрела значение образцово-показательного примера для многочисленных посетителей Шнепфентале.

⁴ См. «Общую немецкую биографию», где, кстати, Гутсмута называют «отцом немецкой гимнастики». Работа Гутсмута, опубликованная в 1793 году, «Гимнастика для молодежи» является первым систематизированным учебником по гимнастике. В появившемся три года спустя сочинении Гутсмута «Игры и упражнения для отдыха тела и души для молодежи» вообще впервые описываются правила бейсбола.

Учебно-воспитательное заведение Зальцманна в Шнепфентале, гравюра, 1810 г.

Карл Риттер, до 1796 года воспитывавшийся в Ш., начиная с 1817 года опубликовал 21-томный труд «География в отношении к природе и истории человека»; наряду с Гумбольдтом Риттер считается основателем научной географии.

Затем к работе в институте удалось привлечь выдающегося филолога Кристиана Людвига Ленца, до этого преподававшего в дессауском «Филантропине». Ленц, который, как и потом другие воспитатели в Шнепфентале, в 1788 году женился на одной из дочерей Зальцманна, вызвался наряду с английским и греческим языками обучать также и плаванию, и, таким образом, с лета 1790 года в качестве учебной дисциплины в Шнепфентале было введено плавание. Кроме того, при воспитании своих десятирех детей семья Ленца придавала большое значение осторожному приучению своих детей к свету, воздуху и воде; поэтому их дети были абсолютно здоровы. В 1793 году Ленц описал физическое воспитание своей дочери Туснельды Гертруды, его необычайно интересное сообщение напечатано в приложении в оригинале⁵.

Подробнее о здоровом образе жизни своих питомцев Зальцманн высказывается в работе «Еще кое-что о воспитании...»: «Кроме того, многие болезни я надеюсь предотвратить образом жизни, который мы ведем. Одну часть своего времени мы проводим сидя, другую – в движении. Помимо того что нами выделено время на игры, у нас имеется масса дел, которыми можно заниматься не иначе как на открытом воздухе. У каждого из нас есть свой садик, который, однако, надо обязательно обрабатывать, чтобы получать от него удовольствие и иметь пользу. У нас есть свои пруды, один из которых несколько отдален; но за ними нужно постоянно приглядывать, чтобы наши карпы и форели однажды вдруг не исчезли. Тут и там, зачастую на отдалении многих миль, имеется также нечто особенное, мы должны отправиться туда в путешествие, если хотим это увидеть. Далее, как я потом покажу, мы планируем иметь свою

⁵ Archiv für Erziehungskunde für Deutschland, Drittes Bandchen, bei Friedrich Severin, Weisenfels und Leipzig 1793.

аптеку и свой естественноисторический музей, для чего должны повсюду собирать материал. В подобных делах мы не можем действовать с оглядкой на непогоду, а должны принимать ее такой, какой дарует ее милостивый Господь.

Не страшно, что у моих воспитанников, которых я *постепенно* приучил к своему образу жизни, под проливным дождем насквозь промокнет одежда. Меня это будет столь же мало тревожить, как погружение под воду моих уток».

А в перепечатанной здесь «Книжке для муравьев» (раздел «Что должен выучить воспитатель?») Зальцманн советует: «Итак, дорогие друзья! Если вы не только зоветесь воспитателями, но и действительно хотите ими быть, закаливаете свое тело! (...) Каждый день выходите на свежий воздух, не взглянув сперва через оконное стекло, какая погода на улице».

Гимнастический городок в учебно-воспитательном заведении в Шнепфентале (начало XIX столетия), первый подобного рода в Германии.

Но здоровый образ жизни, само собой разумеется, мог быть лишь фундаментом для воспитания питомцев в Шнепфентале.

При воспитании личности в центре внимания стояло использование собственных сил и их развитие. Поэтому Зальцманн придавал такое большое значение самостоятельному изготовлению сперва игрушек, а затем всяческих «полезных приспособлений и инструментов».

В этом стремлении с 1792 года Зальцманна поддерживал филолог Бернхард Генрих Блаше⁶. Блаше считается одним из пионеров уроков ручного труда в школе как формы «физических упражнений для развития здоровья, а также метода надлежащим образом побуждать к очень полезному чередованию умственной и физической деятельности».

В превосходной краткой биографии Зальцманна радио Средней Германии в общих чертах характеризует значение его института в то время: «В 1790 году “Филантропин” приютил у себя 29 учеников, десять лет спустя их число уже удвоилось. На рубеже нового столетия Шнепфенталь стал именем нарицательным среди просветителей и педагогов во всей Европе. Ученые из Амстердама и Арагона, бургомистр Роттердама, Клопшток, Виланд, Жан Поль, Гёте и Фихте – все они хотели получить собственное представление о новом методе воспитания, разработанном Зальцманном. Ученики приезжали из всех земель, да и дворянство отдавало должное шнепфентальскому учреждению при воспитании собственного потомства.

⁶ Блаше опубликовал множество сочинений, посвященных развитию сноровки у молодых людей, начиная с работы «Картонажный работник, или руководство по работе с картоном: предназначается преимущественно воспитателям»; Шнепфенталь, Книжный магазин учебно-воспитательного учреждения, 1797.

Чем же объясняется безграничная и стойкая привлекательность шнепфентальского «Филантропина»? Зальцманн организовал обучение, движимый уважением к ребенку и его правам и руководствуясь желанием еще при жизни избавить человека от его бед. Формирование религиозного образа мыслей, моральное совершенствование, воспитание характера и тренировка ума точно так же обязательно входили в него, как и знакомство с родной страной и с природой, как гимнастические упражнения и ручная работа в школьных мастерских или в саду. В будние дни обучение регулярно проводилось как в школьном здании, так и на природе; устраивались торжества и праздники. Шнепфентальцы были школьной семьей. Путешествия и прогулки тоже стали средством обучения детей; передвигаясь пешком или на фургоне, Зальцманн попутно не просто передавал знания, а добивался того, чтобы они стали для детей чувственным опытом.

До конца жизни Зальцманн лично заботился о ежедневном утреннем и воскресном богослужении в молитвенном зале Шнепфентале. Хотя он мог проводить «частное богослужение» с литургией, полной свободы готская высшая консистория ему все же не предоставила – в проведении крещения, венчания, отпевания, конфирмации и т. п. пастору Зальцманну было отказано. Это еще больше укрепляло его в мысли отвергать церковь, которая не хотела служить человеку, а стремилась лишь к авторитарной правоте и не ведала каких-либо сомнений. Логичным образом в своей последней крупной работе «Книжка для муравьев, или наставление по разумному воспитанию воспитателей» (1806) Зальцманн выдвинул способность к самокритике в качестве одного из главных требований к учителям. В «самой благородной из всех профессий» настоящий авторитет может завоевать только тот, кто, видя ошибки своих воспитанников, сперва ищет причину плохого результата в себе самом»⁷.

Зальцманн умер 31 октября 1811 года, его жена София, на протяжении сорока лет бывшая ему верной спутницей жизни, скончалась еще раньше – 15 декабря 1810 года.

Учебно-воспитательное заведение в Шнепфентале Зальцманна – единственное учреждение филантропов, сохранившееся до наших дней. После смерти Зальцманна институт возглавлял его сын Карл, а с 1840 года до недавнего времени – потомки дружившей с Зальцманном семьи Аусфельдов.

Школа Зальцманна в Шнепфентале, национализированная в 1935 году, а с 1991 года – гимназия, с 2001 года прежде всего специализируется в языках, и каждый год в ней учатся более 700 учеников⁸.

Кристиан Готтхильф Зальцманн был не только одаренным воспитателем, но и столь же одаренным писателем. Он обладал удивительной наблюдательностью, талантом облекать свои знания в слова так, что их легко могли также понять все те, кто имеет дело с детьми.

Пожалуй, самые важные и вместе с тем самые известные произведения Зальцманна – появившаяся еще в 1780 году «Книжка для раков» и напечатанная в 1806 году «Книжка для муравьев». «Книжка для раков» уже при жизни Зальцманна была переведена на датский (1783), голландский (1791) и шведский (1794) языки; затем последовали издания на старочешском (1824), русском (1831), венгерском (1832), румынском (1848), украинском (1900), латышском (1902), японском (1904) и финском (1926). В немецком языковом пространстве «Книжка для раков» постоянно переиздавалась, библиография Зальцманна, принадлежащая потомку Аусфельда Вольфгангу Пфауху⁹, с 1780 года напечатано свыше 40 изданий.

⁷ www.mdr.de/geschichte/pesonen/138959.html

⁸ www.salzmanschule.de

⁹ Wolfgang Pfauch: C. G. Salzmann-Bibliographie. Unter Berücksichtigung von Besitznachweisen in Bibliotheken herausgegeben von Wolfgang Pfauch und Reinhard Roder. Hermann Bohlhaus Nachfolger, Weimar 1981.

Следует также упомянуть издание 1870 года, в котором ответственный редактор Карл Рихтер приводит изменения в изданиях «Книжки для раков», вышедших при жизни Зальцманна¹⁰.

Так, в предисловии к первой части «Книги об элементах морали» (Лейпциг, 1782) он пишет: «Суди и поступай, как ты хочешь, чтобы судили и поступали твои дети. Ребенок всегда больше верит твоим поступкам, чем твоим словам. Если последними ты противоречишь первым, то последним он не поверит, а будет подражать твоим поступкам. Ты можешь сколько угодно рассуждать о том, что гнев безобразен, но если по малейшему поводу ты сам приходишь в ярость и употребляешь крепкие и резкие выражения в отношении своих друзей и подчиненных, то ребенок не верит, что гнев может быть безобразен, ведь его любимый отец или его любимая мать предаются ему. Он будет вести себя не так, как ты говоришь, а так, как ты поступаешь.

Благодаря наблюдениям за многие годы я убедился, что чуть ли не всем порокам дети учатся у своих родителей, начальников и других людей, с которыми они часто общаются, и что мы уже многого достигнем, если больше не будем учить детей дурному. Эту мысль более пространно я выразил в книжице “Наставления хотя и не по разумному, но все же модному воспитанию детей”. В ней в сатирическом тоне даны правила, с чего нужно начинать, если хочешь сделать детей испорченными и больными, и под каждым правилом приведены примеры родителей, следовавших этому правилу. Родители, которые серьезно намерены дать детям хорошее воспитание, могли бы по меньшей мере из этого вынести, чего им со своими детьми делать не надо».

А в первом выпуске «Посланий из Тюрингии» 1788 года (с. 605–612) Зальцманн знакомит читателей с «Книжкой для раков» в форме следующего разговора письмоносеца с трактирщиком:

Трактирщик. Ну, будет чем его позабавить?

Письмоносец. Он что-нибудь знает о «Книжке для раков»?

Трактирщик. Ни о чем таком в своей жизни не слышал. Там что, говорится о том, как воспитывать раков или как их ловить?

Письмоносец. Там нет ни слова о раках. Вообще-то, там сказано: наставление по неразумному воспитанию детей.

Трактирщик. По неразумному воспитанию? Тогда, наверное, он не будет ее читать. О разумном, быть может, он бы прочел.

Письмоносец. На! (вытаскивая книгу) Пусть все-таки почитает!

Трактирщик. Боже милостивый! Что это еще за штуку написали о неразумном воспитании! Ха, ха, ха! По-моему, люди и так уже весьма неразумно воспитывали своих детей, не получая никаких наставлений.

Письмоносец. В том-то и дело. Тот, кто написал книгу, думает, что и без того уже было написано много наставлений по разумному воспитанию и почти никто им не следовал; раз уж людям повсюду хочется воспитывать своих детей неразумно, вот он и решил рассказать, как правильно взяться за это дело. Он дает правила, как следует поступать, чтобы дети лгали, воровали, научились обманывать, стали непослушными, драчливыми, завистливыми, больными и немощными. И по каждому правилу он рассказывает небольшую историю.

Трактирщик. Что ты такое говоришь! Книгу надо бросить в огонь!

¹⁰ Лейпциг, издательство Siegismund & Volkening. В 1869 году Рихтер подготовил в том же издательстве для серии «Педагогическая библиотека» столь же тщательно выверенное издание «Книжки для муравьев» с вариантами текста в разных изданиях наряду с примечаниями.

Письмоносец. Только не так поспешно, дорогой крестный! Пусть он сперва прочтет, а потом мы друг с другом поговорим. Я хочу ему раскрыть кое-что, как я это понимаю. Пусть послушает!

После того как была приведена история о том, как можно научить детей видеть призраков, которую можно прочесть в «Книжке для раков», разговор продолжается.

Трактирищик. Ага, теперь я кое-что понимаю! Не правда ли, человек, который написал эту книгу, хочет, так сказать, ткнуть людей носом и показать им, что, если их дети больные или невоспитанные, то они виноваты сами?

Письмоносец. Совершенно верно! Таково, собственно, его мнение. Иной раз ради забавы давал я почитать книгу другим людям. Потом многие пожимали мне руку и благодарили.

Трактирищик. Но почему она называется «Книжка для раков»?

Письмоносец. Из-за того, что в ней изображен один старый рак со своими детьми.

Трактирищик. Но при чем тут раки?

Письмоносец. Вот это я и хочу ему сказать: один старый рак говорил своим детям, что они не должны пятиться задом – но сам пятился задом.

Трактирищик. Так, теперь мне понятно...

Появившись на свет в 1806 году, «Книжка для муравьев» пережила больше пятидесяти изданий в разных издательствах, по большей части в виде отдельной публикации, иногда также в собраниях классических трудов по педагогике. Уже в год первого издания появилось голландское издание (1806), годом позже – датское (1807), затем последовали венгерское (1889), чешское (1878), румынское (1894), болгарское (1895), шведское (1897), итальянское (1902), португальское (1904), а между 1906 и 1934 годом – несколько японских изданий. Примечательно, что и «Книжка для раков», и «Книжка для муравьев» на английском, французском или испанском языке не издавались, при том что можно найти французское и многочисленные английские и американские издания «Книги об элементах морали».

«Книжка для раков» и «Книжка для муравьев» входили не только в сборники работ педагогов-классиков – в XX веке обе работы иногда выходили вместе в одном томе (Verlag Volk & Wissen, Reclam). Такое объединенное издание главных педагогических трудов Зальцманна имеет смысл, ибо и «Книжка для раков», и «Книжка для муравьев» адресованы в первую очередь воспитателям – а в конечном счете всем тем, кто в силу своей профессии постоянно имеет дело с людьми!

Этого мнения, очевидно, придерживался и сам Зальцманн, ибо в одном из своих последних трудов, в рассказе «Судья Паппель» (опубликован в «Посланиях из Тюрингии», 1812), он вкладывает в уста проповедника, беседующего с судьей, слова: «Тут я хочу дать вам с собой еще “Книжку для раков” и “Книжку для муравьев” Зальцманна, в которых эти материи изложены пространнее». А в одной из сносок Зальцманн извиняется перед читателем: «Простите автору, что он рекомендует свои собственные сочинения. Это происходит лишь потому, что какие-либо другие работы, где так наглядно была бы показана истинная причина человеческой порчи, ему неизвестны».

В обзоре сочинений Зальцманна, напечатанном в приложении, была предпринята попытка упорядочить по группам отчасти весьма различающиеся публикации. Первую группу образуют сочинения по педагогике, адресованные в первую очередь родителям и учителям. В этой группе «Книжка для раков» и «Книжка для муравьев» являются самыми популярными произведениями, поэтому они публикуются вместе и составляют первый том педагогических сочинений Зальцманна.

Детальные рассуждения Зальцманна на тему воспитания («Еще кое-что о воспитании вместе с уведомлением о создании учебно-воспитательного заведения», 1784) наряду с описанием существующих («Учебно-воспитательное заведение в Шнепфентале», 1808) образуют ядро второго тома педагогических сочинений, дополненного монографией «О самых действен-

ных средствах привить детям религию» (1780). Третьим томом серии должно стать переиздание монографии «О тайных грехах юности», труда, в котором Зальцманн дает родителям ценное разъяснение пороков, которые и сегодня еще, по-видимому, присущи многим молодым людям.

Наряду со своими сочинениями педагогического содержания Зальцманн пытался распространять в народе знания об улучшении человеческих отношений, также в форме романов и рассказов. При этом его принцип сколь прост, столь и эффективен: Зальцманн либо непосредственно преподносит свои знания и опыт в диалогах соответствующих персонажей, либо же главный герой размышляет о своей судьбе, своих прошлых и задуманных поступках, основываясь на этике, которая содействует, должна содействовать хорошему в людях! При этом читатель, разумеется, вживается в действующего персонажа и получает возможность, идя за ним в огонь и в воду, вместе с ним переживать и следить за шагами его развития. Тем самым Зальцманн дает читателю простые, но прочные рамки духовной «небесной механики» требований обыденной жизни, которая ни в чем не уступает кеплеровской небесной механике космических тел, более того, даже ее превосходит, поскольку работает лучше, чем любая механика. События, в которые Зальцманн побуждает читателя включиться в своих рассказах, начинаются на самом простом уровне, где причина и следствие рассматриваются и прослеживаются исключительно в естественнонаучном биологическом ракурсе. В ходе событий опыт персонажей романа накапливается, приобретает все более высокое качество, пока, наконец, читателю не становится очевидным управляющее судьбами влияние Творца – реальная сила, в чьей преисполненной любви действительности Зальцманн сам десятилетиями снова и снова мог переживать связь с Небесным Отцом.

Примечания Зальцманна снабжены звездочкой, все более поздние примечания, которые отчасти были заимствованы из более старого издания Боссе и Мейера, обозначены цифрами.

Сент-Гоар, июнь 2007 года
М. Дрегер

КНИЖКА ДЛЯ РАКОВ или Наставление по неразумному воспитанию детей

Krebsbüchlein,
oder
Anweisung
zu
einer unvernünftigen
Erziehung der Kinder,
von
Chr. Gottf. Salzmann.

Vierte, rechtmäßige, umgearbeitete, vermehrte
und durchaus verbesserte Auflage.

Faciam, ni papule. si te idem
facientem prius videro.

Erfurt, 1807.
Bey Georg Adam Keyser.

Предисловие

Помнится, я где-то прочел, что некое общество Кристиан-европейцев, поселившихся в одном бенгальском городе ради торговли, в один радостный день тревоугодничали под звуки труб и литавр, пили, шутили, смеялись и веселились, в то время как темнокожие граждане изнывали от дороговизны и голода, перетаскивали трупы в узкие улочки и сваливали их в кучи, частью у порога дома терпимости, хрипели и умирали, и ни на кого в веселой компании это печальное зрелище не произвело ни малейшего впечатления. В связи с этим был поставлен вопрос: как так получается, что у европейца, едва вступившего на горячую землю Ост-Индии, настолько сильно меняется его сущность и вместо сострадания к ближним, которое он принес со своей родины, появляется варварская бесчувственность?

Причину этого найти нетрудно. Почва и климат здесь ни при чем. Скорее предрассудок, эта плодородная мать многих бед, порождает и эту бесчувственность. Если уж при царящем у нации предрассудке некий класс людей обречен на порабощение и лишен человеческих привилегий, то тогда сердце каждого обывателя за короткое время настолько черствеет, что он может смотреть на стенания, слезы и конвульсии этого типа людей, не переживая при этом больше, чем при виде судорог убитого быка. В странах, которые мы посещаем лишь с целью пополнить свои богатства, у местных жителей из-за позорящего человечество предрассудка отняли человеческие права, а за европейцами признали безграничное право надругаться над ними. Этот предрассудок вдыхает европеец, едва ступив ногой с корабля на берег, и вскоре ощущает его воздействие в своем сердце.

Мне было бы легко привести несколько примеров – из всевозможных столетий и климатических областей – подобной бесчувственности к страданиям определенных людей. Но зачем идти так далеко, если подобный пример мы можем найти совсем рядом? Мы живем в умеренном климате, и многие из нас с некоторых пор стали настолько сентиментальными, что жалеют блоху, срок жизни которой им приходится сократить. Тем не менее и у нас предрассудок обрек определенную категорию людей на полное порабощение и признал за их повелителями неограниченное право обращаться с ними как им заблагорассудится. Подобно тому как первым Кристианам приходилось искупать вину за все беды, которые случались в Римской империи, так и этим обычно приходится расплачиваться за все неприятности, которые возникают в домах их господ, при том что они за них не ответственны. Их часто выставляют на поругание в обществах, а им не позволено жаловаться на это; их стегают розгами, даже если ничего дурного они не сделали; их часто до смерти истязают долгими пытками, а большинство их сентиментальных сограждан слышат их крик, видят, как их истязают, но ничего несправедливого в этом не усматривают.

Эти стонущие от гнета люди – дети, а их угнетатели – родители. Жестокое обращение, которое они вынуждены терпеть в большинстве домов, столь вопиюще, что должно вызывать жалость; и тем не менее большинство наших современников уже настолько привыкли к подобным зрелищам, что могут смотреть, как истязают невиннейшего ребенка, и слышать его крики отчаяния, следовать за гробом другого ребенка, казненного предрассудком отца или матери, не задумываясь при этом о несправедливости.

В первые годы жизни многие дети по вине родителей лишаются здоровья – их тело и его члены больны, потому что либо уже при зачатии получили яд, который родители внесли в их кровь из-за своего распутства, либо те разрушают их здоровье предрассудками и беспечностью. Поэтому, как мне кажется, без преувеличения можно утверждать, что ни в одном диком разбойничьем притоне не шатается так много изувеченных рабов, сколько бродит по обычному городу хилых и дряхлых людей, которых родители винят за то, что они собой представляют.

В большинстве семей средства сохранения здоровья детей настолько извращены, столь явно вредят их здоровью и жизни, что я не переборщу, заявив, что большинство детей, которых год за годом хоронят, убил предрассудок родителей.

Наказания, которые чуть ли не каждый день вынуждены терпеть эти маленькие, беззащитные и безоружные люди, по большей части несправедливы. Хотя мало кого можно назвать чудовищем, в ярости кровожадно избивающим и калечащим своих детей, тем не менее совсем мало кто из детей заслужил наказание, которое они вынуждены терпеть, то есть они страдают от несправедливости, и каждый удар розгами, который нужно выдержать, не заслужив его, – несправедливость.

Вот сидит мать, в кругу своих подруг, и публично жалуется на своих маленьких детей, самыми черными красками изображает их своенравие, упрямство, злобу, леность, неаккуратность; вот стоит отец перед своим восьмилетним сыном и устраивает ему головомойку, представляющую собой переплетение самых горьких упреков и грубейших оскорблений; другой бьет кнутом своих детей за всяческие проявления невоспитанности, которые он у них заметил. Но, друзья, если вы сами привили детям пороки и дурные привычки, которые у них замечаете, разве справедливо обращаться с ними поэтому с такой злобой? Если вы сперва привили своим детям некие недостатки, а потом наказываете за то, что они так хорошо их усвоили, разве это не жестоко?

И это не вызывает сомнений. Причину всех ошибок, дурных привычек и пороков детей по большей части надо искать у отца или матери или одновременно у них обоих. Звучит резко, и все-таки это так¹¹.

¹¹ Эта центральная мысль высказывалась Зальцманном в самых разных местах его сочинений. См. также опубликованную

Человек всегда зачинает детей, которые на него похожи. Мозг, кровь и плоть ребенка произошли от его родителей. Если же родители с изъязном – в теле или в душе или одновременно в том и другом, – больны, то все эти болезни непременно передадутся плодам их тела. Сильнейшая тяга к известным порокам, безудержная злость, своенравие, упрямство, беспорядочная похотливость, чрезмерная чувственность, дурное настроение, даже глупость, из чего большинство детей приносят с собой с пеленок то или другое, – очевидно, приданое отца или матери.

Далее, тот, кто видел семьи, где детям по большей части не дают хорошего воспитания, тот мог заметить, что недостатки детей с годами множатся и разрастаются. Как невинно улыбается двухлетний маленький Карл и как лукаво глядит десятилетний Леопольд! Это замечание сплошь и рядом принимали как нечто совершенно естественное, и поэтому во многих домах возраст, когда обычно пробуждается разум ребенка, то есть когда становятся заметнее его проявления, называют переходным [Flegeljahre, буквально – годы хамства] (простите мне это выражение!). И, стало быть, должны быть, пожалуй, еще и причины, из-за которых после рождения недостатки ребенка множатся и разрастаются. И по большей части их нужно искать в родителях.

Во-первых, в их примере. Ребенок, еще не владеющий своим разумом, не может поступать иначе, как подражать тому, что видит у других и от других слышит. Если бы решили потребовать от него противоположного, то мне это представлялось бы таким же бессмысленным, как если бы добропорядочный немец, никогда не говоривший на иностранном языке, потребовал от своего сына, растущего рядом с ним, разговаривать не по-немецки, а по-французски; а если бы он этого не смог, то стал бы ему за это выговаривать и сказал: «Ты – неумеха! Только посмотри, как другие дети хорошо говорят по-французски, а ты – ничего из тебя не получится!» Рассмотрим теперь пример, который многие родители подают своим малышам! Они бранятся и требуют от своих детей миролюбия; они часто приходят домой пьяные, а от них требуют воздержания; они рассказывают о грехах своей юности и негодуют, если дети тоже их совершают; они жалуются на работу, расхваливают бездельников и ропщут, когда дети выказывают нерасположение к работе; они позволяют себе все излишества и наказывают за них своих детей. Родители, которые подают такой пример, наверное, не смогут отрицать, что они – самые главные наставники, у которых дети научились своим порокам.

Во-вторых, в недостатке надзора. Они часто сетуют, что дали своим детям наилучшее воспитание, а никакого толку от него не видят. Но если посмотреть на это воспитание вблизи, то оно окажется не более чем обучением, которое каждый день по несколько часов они им дают либо сами, либо через других. В остальном они предоставляют малышей самим себе, дают им общаться с самыми невоспитанными детьми, передают их прислуге, либо очень усердно занимаются своими делами, либо посещают многочисленные компании, столь активно участвуют во всякого рода увеселениях, что их дети большую часть своей юности совсем без надзора проводят среди людей испорченных нравов. Если девушка становится такой же бесцеремонной, как служанка, если мальчик перенимает у уличных мальчишек низменный образ мыслей, то кто тому виной? Конечно же, не ребенок, а те, кто оставил его такой компании.

В-третьих, в ошибках воспитания. Они столь многочисленны, что можно было бы написать толстую книгу, если попытаться привести хотя бы далеко не полный их перечень. Что, к примеру, привычнее, чем не замечать множество дурных привычек, пока у тебя хорошее настроение, и, наоборот, наказывать за малейшее упущение, когда, скажем, убежало молоко, пришло письменное напоминание об уплате долга или случилось еще что-то неприятное, в чем дети совсем неповинны! Что детей бьют, если они уронили стакан, а дурные поступки оставляют безнаказанными! Что за самый незначительный промах наказывают, если дети в

нем признаются, но никогда не карают, если они его отрицают; что родители никогда ничего не делают по своей воле, если дети их просят, но стараются успокоить их самыми ласковыми словами, когда те топают ногами и буйствуют! Что от шестилетней девочки требуют, чтобы она вела себя столь же рассудительно и была не по годам умной, такой, как двадцатичетырехлетняя мать или тридцатилетний отец! Воспитывать так детей – все равно что тушить огонь маслом и пытаться утопить в воде рака.

Разве я не прав, когда утверждаю, что общество своими предрассудками обрекло детей на угнетение, а их хозяева жестоко обращаются с ними, и при этом их печальная участь никого настолько не трогает, чтобы попытаться им предоставить права?

Печальные последствия, из этого вытекающие для общества, нельзя подсчитать. Печально уже то, что страдают многие тысячи ни в чем не повинных людей, вынужденных проводить лучшие дни своей жизни удрученными; что очень многих, кого когда-нибудь могли бы считать наиболее полезными членами государства, лишенных сил из-за невежества их родителей, искалеченных, делают неспособными к любому делу, требующему энергии, или вовсе казнят. И если правда, как с давних пор утверждала самая разумная часть людей, что истинное удовлетворение дает людям лишь добродетель, а обладание миром неспособно даровать им такого блаженства, какое проистекает из нее, то не будет ли у каждого, кто любит людей, обливаться кровью сердце при виде того, как огромную часть потомков лишают этого блага и учат пороку? Если молодой человек, для которого пока еще нет лучшего, более разумного друга, чем его родители, воспринимает их слова так, словно они прозвучали с небес, с надеждой доверяется их руководству, но в них находит предателей, направляющих его на опасные ошибочные пути, с которых он либо вообще не сойдет, либо сойдет слишком поздно – с ослабленным телом, нечистой совестью и глазами, полными слез?

Но это еще не всё. Душевное состояние родителей теряет при этом столько же, сколько и душевное состояние детей.

Удовольствие видеть себя преумноженным в хороших детях настолько чарующе, что его ощущает даже животное. Даже у курицы, похоже, есть свой праздничный день, когда она может в первый раз вывести своих птенцов. Даже овца скачет от радости, когда в сопровождении своего ягненка идет на пастбище. Для человека же, способного в любой вещи замечать еще больше прекрасного, это удовольствие еще гораздо чарующе. Мысль о том, что дети являются частицами нас, что при некотором количестве благонравных детей мы никогда не состаримся, потому что у наших детей растут силы и они становятся нашей опорой, когда наши собственные силы убывают, что наше имя, наш образ, наши мысли все же останутся в мире, когда нам придется его покинуть, что плоды сорока – пятидесяти лет усердия не пропадут даром, – это одна из самых сладких мыслей, которая способна возникнуть в душе человека. Хорошие дети – истинное богатство. Кто умеет с ними ладить, тот растит себе некое количество слуг, с радостью следующих его указанию. Он может несравненно больше трудиться, сделать, приобрести, чем другой, бездетный. Это хорошо понимали древние, чьи нравы были простодушнее, но невиннее, чем наши; они исчисляли богатство по числу своих детей и полагали: юные мальчики – как стрелы в руке сильного воина; счастлив тот, чей колчан полон ими! Они не подведут, когда у ворот ведешь переговоры со своими врагами. – Многие дочери приносят богатство¹². – Хорошая комната, полная хорошими детьми, постоянно преподносит родителям самые приятные сцены. Никакие театральные подмостки не способны принести в душу такую чистую, здоровую и придающую силы радость, как занятия и игры маленьких потомков; ни один канатоходец-эквилибрист не может нас так развеселить, как пошатывание ребенка, отважившегося сделать свои первые шаги; поистине ни один концерт не сладок отцовским и материнским ушам так, как его лепетание; соло с пятью матадорами не может тронуть сердце так,

¹² Пс 124, 4, 5 и Притч 31, 29.

как добрый поступок ребенка, и ни одна парижская шляпка не имеет такого очарования, как кусок сукна, для которого маленькая Лотта сама спряла нити и который теперь преподносит матери, или рисунок, сделанный маленьким Вильгельмом.

Но эти радости, эти сладкие и все же общедоступные радости, которыми может наслаждаться даже батрак, которые могли бы развеселить нас при всех тяготах жизни, для большинства родителей более не существуют. Невосполнимая потеря!

Как редко встречаются родители, которые знали бы цену своим детям, считали бы их богатством! Первого и второго они принимают с радостью, при появлении третьего их лица уже выражают досаду, а крестьянин, ставший отцом уже троих детей, чуть ли не всякий раз больше радуется увеличению численности своих стад, чем родам жены. Так уж устроен человек! Как редко встречаются родители, которые испытывали бы сладкую радость, способную вселить в душу гнездышко славных детей! Большинство рады, если могут вырваться от своих детей, для них нет часа радостнее, чем тот, что они проводят вдали от них; они ищут последний геллер, нередко закладывают одежду, домашние вещи и участки земли, чтобы доставить себе час удовольствия за пределами своего дома; считают потерянным каждый день, который им приходится проводить со своими детьми, и сетуют, что из-за детей их жизнь стала безрадостной. Как убоги и жалки эти люди! Они сидят на чистом источнике, который бьет из-под земли рядом с ними и своим нежным журчанием приглашает их испить воды, и жалуются на жажду.

Чуть ли не все эти угрюмость и безрадостность, которые замечаешь у большинства родителей, происходят из неправильного обращения со своими детьми. Они учат их непослушанию, упрямству, своенравию, лени, неаккуратности и лживости. Дети с такими пороками и впрямь отнюдь не богатство. Отец столь одичавшей семьи – скорее несчастный, достойный сожаления человек. Для него каждый ребенок – командующий, который каждый день требует продовольствия, развлечений, одежды и обслуживания, не прикладывая ни малейших усилий для того, чтобы в целом семье жилось лучше. Поэтому бедный отец должен, выбиваясь из сил, трудиться и тянуть лямку, чтобы всегда быть способным уплачивать контрибуции, требуемые от него детьми. Единственное, что еще остается в его власти, – это позволять себе подчас устраивать головомойку и побоями проявлять свое недовольство. Люди лишают своих детей сил и делают их больными, им прививают множество самых отвратительных и неприятных пороков; и поэтому, конечно, нет ничего удивительного в том, если родителям крайне неприятно находиться с ними, если родители, вынужденные проводить свои дни в комнате, где один ребенок хнычет, другой своим бледным лицом вызывает жалость, третий бранится, четвертый галдит, тоскуют по месту, где можно свободно вздохнуть и за кружкой пива или вина либо в веселой компании забыть про детей и про свои страдания.

Все это и подвигло меня сочинить эту книжку. Она должна стать заступничеством и ходатайством за бедных беззащитных детей, многие из которых из-за невежества и неосмотрительности родителей лишились радости, добродетелей, здоровья и жизни. Я доказал это многочисленными примерами, прочитав их, едва ли кто-нибудь не вспомнит хотя бы об одном доме, где все происходит в точности так, как описывается в книге.

Несомненно, повсюду есть люди, обращающиеся со своими детьми неразумно, именно так, как здесь об этом рассказывается, и столь же несомненно, что родители по большей части сами являются причиной пороков своих детей, а нередко их болезней и смерти.

Правда, родители, которые совсем неотесанны, благодаря этой книге лучше не станут, они отложат ее, полные негодования, станут браниться и по-прежнему будут обращаться с детьми неподобающим образом. Но для них я и не писал.

Но что касается родителей, которые еще способны задуматься, у которых еще можно найти проблеск симпатии к своей собственной плоти и крови, то благодаря этой книге они все же станут внимательными. Каким образом? Они задумаются: быть может, я сам делаю моих детей больными? Быть может, я сам виноват в их порочных наклонностях, доставляющих мне

столько неприятных часов? Эта мысль прочно засядет в них, они и дальше будут об этом размышлять и очень скоро убедятся, что я говорил правду. Если хотя бы десяток родительских пар таким образом продвинутся так далеко, что будут стыдиться глупостей, которые они совершали прежде и которые я здесь порицал, если они откажутся от них, станут оберегать детей от изнеженности, противоестественных кушаний, лап шарлатанов и всего остального, что вредит здоровью и жизни юного гражданина мира, станут говорить и поступать всегда так, как им хочется, чтобы говорили и поступали их дети, станут проявлять больше любви и рассудка при их воспитании, если хотя бы в десяти домах восстановятся семейные радости, самые сладостные и здоровые из всех земных удовольствий, о, сколько добра я сотворил бы этими немногочисленными страницами! Как я хотел бы гордиться тем, что их написал!

Правда, мои читатели и читательницы еще не смогут из этой книги узнать, что им, собственно, надо делать со своими детьми, чтобы видеть их радостными. Пусть они сперва лишь убедятся – чему я и хотел научить их на всех этих примерах, – что причина недостатков их детей заключена в самих родителях, затем они могут найти дальнейшие поучения в моей книге «Конрад Кифер, или наставление по разумному воспитанию детей».

Вся книга написана в шутовском тоне; но не потому, что я думаю, будто глупости, о которых я здесь говорю, – несущественные, достойные осмеяния мелочи; ведь из того, что сказано мной в этом предисловии, уже можно заключить, что эти глупости я считаю злом, заслуживающим слез того, кто любит людей.

Я писал в шутовской манере скорее для того, чтобы заинтересовать больше читателей и в виде шутки преподнести им истины, столь полезные и необходимые большинству; тем самым книжку захочется прочесть также и тем, у кого нет достаточного терпения, чтобы выдержать серьезный доклад.

Надеюсь, мне простят, что тут и там иной раз встречается вульгарное выражение. Если хочешь изобразить, то нужно представлять вещи такими, какими их видишь. Опрятный, чистый костюм, который художник захотел бы надеть на тело нищего, оскорбил бы глаз знатока больше, чем порванный пиджак. Причина для недовольства появилась бы только в том случае, если бы изображение характера было настолько гротескным, что при этом пострадала бы стыдливость. А этого мне поставить в вину нельзя.

Впрочем, надеюсь, что все родители, имеющие хоть чуть-чуть здравого смысла, спрячут подальше от детей эту книжицу, чтобы она не попала им в руки. Они утратили бы у своих детей всякий почет и уважение, если бы те познакомились с этими глупостями в их поведении. Даже самый ограниченный отец часто какое-то время утверждает свой авторитет у детей. Но этот авторитет сразу же пропадает, как только в присутствии детей отец обнаруживает свою ограниченность.

Предисловие к третьему изданию

В этом третьем издании я повсюду поправил некоторые обороты речи, привел различные педагогические ошибки, пропущенные в первых изданиях, и, таким образом, это издание имеет значительные преимущества по сравнению с предыдущим.

Насколько забавна форма изложения, которую я позволил себе в этой книге, настолько серьезно его содержание и настолько он заслуживает того, чтобы к нему прислушались. По моим ощущениям, подлинная беда людей – всегда следствие предрассудков людей, их глупостей, слабости и т. д., которые, в сущности, не связаны с их природой, а чуть ли не всегда отчасти подпитываются, отчасти действительно порождаются неправильным воспитанием. Приведенные в этой книге рассказы правдивы по содержанию, хотя их облачение – вымысел; пусть это утверждение будет служить вместо доводов. И в самом деле похоже на то, что главная причина человеческих бед лежит в первом воспитании, которое дают человеку, и, стало быть, дело можно поправить, если это воспитание улучшить.

Но именно это вселяет в нас надежду на то, что люди станут лучше и наступят более счастливые времена. Еще десять лет назад о воспитании говорилось крайне мало. Обязанность правильно воспитывать детей проповедовали и внушали со всех церковных кафедр, но как правильно воспитывать – об этом обычно хранили глубокое молчание. Пожалуй, это и не могло быть иначе, поскольку на собрании, состоявшем из родителей и детей, было неподобающим давать первым правила воспитания и порицать за ошибки. В сочинениях для народа, например в назидательных книгах и т. п., эта тема либо вообще не затрагивалась, либо обсуждалась лишь очень поверхностно. Поэтому неудивительно, что грубейшие педагогические ошибки допускались не только неотесанными, безнравственными людьми, но нередко и самыми образованными и просвещенными, преследовавшими наилучшие намерения, и зачастую дети самых образованных, честнейших отцов попадали в число наихудших.

Теперь же наоборот, повсюду мы видим рвение, с которым бьются над улучшением воспитания и стараются донести свободомыслящие о нем представления даже до сельского жителя! Разве это серьезное, все дальше распространяющееся стремление, в котором нельзя не увидеть руку провидения, не должно было оказать благотворного действия на человеческий род?

Пусть в этом поможет ему и настоящая книга – таково мое искреннее желание.

Шнепфенталь, декабрь 1791 года

Х. Г. Зальцманн

Предисловие к четвертому изданию

Раз мой издатель счел нужным подготовить новый тираж моей «Книжки для раков», благодаря этому я получаю успокоительную уверенность в том, что и через двадцать пять лет после ее появления книгу продолжают читать. Удача, которая при нынешнем бумагомарании выпадает немногим книгам. При ее подготовке я сделал целью защитить мир детей от их родителей, сделать так, чтобы они могли радоваться своему детству и их радость не омрачалась предрассудками и неправильным обращением. Тому, кто все знает, известно, сколько я этим добился. Но я полностью убежден в том, что мой труд не был совершенно напрасным, что иная мать, которая обычно не могла терпеть своих детей, находит счастье в их детской комнате, а иной отец, который обычно искал радости за порогом своего дома, не может больше расстаться со своими детьми и что «Книжка для раков» способствовала такой перемене.

От «Книжки для муравьев», изданной мной некоторое время назад, я жду такого же действия, поскольку она преследует ту же цель, что и «Книжка для раков». В ней тоже я встаю на сторону малышей и стараюсь их защитить от неправильного обращения с ними их воспитателей.

Главный вывод той и другой таков: родители и воспитатели! Если у ваших детей есть пороки и дурные привычки, то ищите причину не в них, а в себе! Для многих, конечно, эти слова очень жесткие, но, несомненно, правильные, и если они верно поняты, приняты и им следуют, то результат, который они должны принести, будет весьма благотворным. Если они будут приняты, то у родителей и воспитателей откроются глаза, и мир ребенка предстанет перед ними в привлекательном свете.

Проявлений невоспитанности, коварства, злобы, слабонервности и т. п., которые они обычно замечают у своих малышей, больше не будет; они увидят лишь невинных созданий, пока еще неразумных, а потому подверженных тысячам глупостей и легкомысленных поступков, и столь же мало будут возмущаться ими, как спотыканием маленького однолетнего Фрица, косолапящего при ходьбе.

И счастья вам, вашим малышам, которым так повезло, что растут под присмотром людей, ищущих причину их недостатков в себе. Тогда они станут по-настоящему здоровыми и радостными, добрыми и разумными, им останутся неведомы все те мучения, которые в противном случае отравляли бы радости детства, а их улыбку превращали бы в гримасу страдания, и вырастут в мужчин и женщин, которые своим потомкам передадут по наследству всю благодать, данную им разумным воспитанием.

Шнепфенталь, ноябрь 1806 года

Хр. Г. Зальцманн

Как вызвать к себе ненависть у детей

Поступайте с ними несправедливо, и ненависть возникнет сама собой!

1. Маленькая Лотта гуляла в саду своего отца. Там было полно фиалок. «Ух ты! – воскликнула Лотта от радости. – Какие красивые цветочки! Я нарву их полный фартук и сделаю маме букетик». Она проворно опустилась на колени и с величайшим старанием собрала их полный фартук, затем уселась под яблоней и сделала букетик. «Вот так! – сказала она. – Теперь я поспешу к любимой маме и принесу его ей. Как ей будет приятно! А мне за это достанется парочка сладких поцелуев».

Чтобы доставить маме еще больше радости, она пробралась на кухню, взяла фарфоровую тарелку, положила на нее букетик и устремилась, прыгая по лестнице, вверх к матери. Тут Лотта споткнулась, упала, и на тебе – фарфоровая тарелка разбилась на сотни кусков, а букетик отлетел на большое расстояние. Мать, которая в комнате слышала падение, тотчас подскочила к двери и увидела разбитую тарелку, она побежала назад, принесла толстый прут и, ни словом не осведомившись, зачем ребенку понадобилась тарелка, разгневанно набросилась на него.

Тот, ужасно напуганный из-за падения, из-за разбитой тарелки и из-за прута, был полуживой и не мог вымолвить ничего, кроме: «Милая мама! Милая мама!» Но это никак не помогло. «Ты, маленькая бестия! – сказала мать, – разбила такую красивую тарелку!» – и дала ей один крепкий шиллинг [удар розгами].

Лотта пришла в ярость, поскольку видела, что с ней обошлись явно несправедливо. Она долго не могла этого забыть, и ей никогда больше не приходила в голову мысль сплести маме букетик.

2. Маленькая Луиза получила от своей крестной в подарок на Рождество небольшой поднос, полный оловянной посуды. Большей радости она не могла бы ей доставить. Еще в тот день, когда ей его подарили, она аккуратно расставила на нем всю посуду. Если к ней приходили другие дети, то обычно она устраивала для них небольшое пиршество, при этом всякий раз использовались чашечки, тарелочки и маленькие подсвечники, стоявшие на подносе. Как только они уходили, все снова перемывалось и ставилось на свое место. Ее крестная была этим очень довольна, потому что рассматривала это как способ уже в раннем возрасте приучить ребенка к порядку.

Но радость длилась совсем недолго. Однажды Вильгельм, ее младший брат, потянулся к оловянной посуде, и отец тут же дал ему мисочку. Затем он попросил еще раз и получил тарелочку. Ту и другую он мгновенно согнул. У Луизы, когда она вернулась и увидела ущерб, который нанес ей брат, выступили на глазах слезы. Но она слышала, что мисочку и тарелочку ему дал отец, и поэтому свою горечь сдержала. Но на другой день повторилось все то же самое, и оказались согнутыми два подсвечника.

Луиза не могла больше терпеть. Полная горя, она побежала к отцу: «Милый папа, – сказала она, – ты ведь знаешь, что Вильгельм испортил мои красивые вещи?» – «Глупая девочка, – получила она в ответ, – какое тебе до этого дело? Я могу делать с твоими вещами все, что хочу».

Луиза замолкла. Не прошло и четырех недель, как вся ее радость оказалась в мусорном ведре. Она подавила горечь, но с тех пор так злилась на своего отца, что долгое время не могла ласково на него смотреть.

3. Я знал одного чудаковатого отца, который не был способен спокойно за что-нибудь выговаривать своим детям или наказывать их. Хотя они часто буянили, ссорились и дрались, он не особо пытался их успокоить; но если в работе шло что-то не так, как он хотел, или если его оскорбляли – жена или кто-то другой, – то он приходил в дикую ярость.

Когда он еще не был женат, разбивал в гнев чайные чашки или колотил свою собаку. Но с тех пор как у него появились дети, он обычно старался сдерживать с ними свой гнев. Хотя по самому ничтожному поводу он вел себя столь свирепо, что у них часто изо рта и из носа текла кровь.

Разве могли дети остаться добрыми к такому тирану?

4. «Скажи только, что мне делать с моей Кристианой? Такой упрямой, черствой девочки на свете больше нет. Если я ей на что-то указываю, она тут же огрызается; если я что-то приказываю, ты бы только посмотрел, как она на меня смотрит – словно хочет меня задушить. Глаза бы мои больше не видели эту девку!» Так одна мать говорила своему брату.

Брат, который прежде подмечал в маленькой Кристиане самую невинную, самую нежную душу, немало был удивлен этим суровым обвинением, призвал сестру к терпению и обещал ей вскоре выяснить причину перерождения ее дочери.

Повод вскоре нашелся. Фрау Зельбстин, так звали мать Кристианы, принимала у себя компанию друзей, среди которых находился и ее брат.

Когда подали кофе, дети должны были подойти к фрау Зельбстин.

Их было трое. Двое из них были необычайно красивы, и во всей их внешности было что-то настолько приятное, что они обязательно должны были понравиться каждому, кто их видел. Они были смелыми и богаты мыслями, над которыми все смеялись, потому что иной раз они были невпопад. Маленькая Кристиана тоже не была безобразной. Но она терялась, когда стояла между своими красивыми сестрами. Ей приходили в голову очень милые мысли, но она была такой робкой, что говорила мало, особенно в большом обществе. Те девочки были одеты с иголки, и по ним можно было видеть, что мать очень старалась красивой одеждой сделать их еще более очаровательными. Маленькая Кристиана была одета крайне небрежно, и совершенно отчетливо было видно, что весь ее костюм был составлен из предметов одежды, которые раньше носила мать.

«Какие прелестные дети!» – воскликнули гости, как только те вошли в комнату, и каждый расцеловал сестер Кристианы. Она же получила лишь пару холодных поцелуев, а затем ее оставили стоять в стороне. Других же девочек целовали и целовали, сажали себе на колени, расхваливали их наряд, банты, ленты на руках; с ними заводили беседу, а бедную маленькую Кристиану не замечали. Мать, в течение нескольких минут с величайшим удовольствием наблюдавшая эту комедию, начала расточать похвалу двум этим девочкам. «Такие потешные дети, этого я не могу вам даже передать. Только представьте себе, какую проделку вчера учинила Лотта! Я могла бы до упаду смеяться. А Луиза, вот ведь тоже пройдоха!»

Так мать болтала, наверное, полчаса. О маленькой же Кристиане вообще никто не думал. Она стояла в углу, будто вообще не имела отношения к дому. Она сконфуженно опустила глаза, разглядывала ногти на пальцах, теребила бант на своем фартуке – ее лицо окончательно искривилось, потому что она не могла этого больше выдержать, она выскочила из комнаты и довольно громко хлопнула дверью.

«Видишь, брат, – сказала мать, – какой ужасный ребенок?»

Но брат был вне себя от негодования. Его руки и ноги дрожали. Ему потребовалось удалиться в соседнюю комнату, где он опустился в кресло.

«Ну? – сказала мать, застав его в таком состоянии, – что это значит?»

Брат. О, оставь меня, жестокая мать!

Мать. Я? Жестокая?

Брат. Да, ты.

Мать. С кем же я жестокая?

Брат. Ты жестокая со своими детьми и особенно с бедной Кристианой.

Мать. Не понимаю, что это за болтовня. Объяснись четче! Разве это жестокость, что я не сразу приказала ее отлупить, чего она заслужила, когда хлопнула дверью?

Брат. Фи! Как может женщина, которая хочет быть раз-умной, говорить так необдуманно. Кристиана не такая красивая, как ее сестры, и тут она ничего поделывать не может. Но вместо того чтобы подумать, какой ей подобрать костюм, который все же немного восполнит то, в чем ей отказала природа, ты заставляешь ее донашивать свои тряпки, а других детей увешиваешь сотнями бантиков, чтобы весь мир на них смотрел и не замечал Кристиану. Всем тем, что произносят те дети, даже если это совсем неумно, восхищаются и улыбаются. Вместо того чтобы одернуть посторонних людей, которые не знают о хороших качествах Кристианы, и обратить их внимание на ее достоинства, ты выступаешь заодно с ними и стараешься сделать все, чтобы расположить их к тем детям. Быть может, маленькая Кристиана балда? Разве они ее не обидели? Разве ты сама не причиняешь ей зла?

Разве ты не делаешь так, чтобы она тебя невзлюбила, чтобы она стала завидовать своим сестрам? А сестры! Короче говоря, я беру Кристиану к себе.

И он действительно это сделал. Прощаясь, он взял Кристиану с собой домой, и под его присмотром за несколько недель она стала самой хорошей и очаровательной девочкой.

Или этой цели можно также достичь, если родители постараются привить детям неприязнь к другим

1. У одной матери были три вещи, которыми она старалась запугать своих детей, – Боженька, отец и Серый Волк. Если дети друг с другом играли и подчас становились чуть шумными, то она грозила им кем-то из трех. Либо она говорила: «Тише, дети, Боженька накажет, он бросит вас в жаркую преисподнюю!» Либо: «Тише, Серый Волк придет!» Либо: «Вот придет отец и задаст вам такую порку, что свет милым не покажется».

Эффект от этого был таков, что дети одинаково невзлюбили Боженьку, отца и Серого Волка.

2. Когда отец наказывал маленькую Маргарет за ее своенравие, то она всякий раз бежала к матери и жаловалась на отца. Та ее жалела и говорила: «Какой злой отец, так бить бедного ребенка! Вот, Маргарет, тебе пфенниг, сходи и купи себе булочку». Разве удивительно, что маленькая Маргарет невзлюбила злого отца?

Будь бесчувственным к ласкам своих детей!

Не разделяй их радости, и они непременно будут питать к тебе злобу

1. Одна милая супружеская чета всегда была настолько занята делами и предприятиями, что каждое мгновение, когда нужно было поговорить со своими детьми, считалось потерянным. Муж вел подсчеты, а жена все время строила планы, как им сохранить и преумножить свой скарб. Поэтому они всякий раз болезненно переживали, когда дети отрывали их от дел.

Тоскуя, младенец протянул свои ручонки, чтобы погладить щеки отца, но тот безучастно его оттолкнул. Улыбаясь, к нему подскочил со своей азбукой маленький Никлас и сказал:

«Смотри, папа! Милая обезьянка держит в лапке яблочко!» – «Оставь меня в покое!» – получил он в ответ. Он подбежал к матери, и та его оттолкнула.

Тогда Никлас со своей книгой подошел к служанке, и та обошлась с ним лучше. Она порадовалась вместе с ним обезьянке, показала ему волка и зайчика и рассказала ему, как волк пожирает овечку и какой вкусный жареный заяц.

За это она и стала для него милой Марией, знавшей все его секреты и разделявшей все его радости.

Отец и мать могли уехать на три месяца, а он несколько из-за этого не переживал. Но если Марии не было дома хоть день, то можно было услышать плач!

2. Маленький Людвиг получил от своего знакомого несколько растений левкоя и посадил их в цветочный горшок. Он привязался к ним всем своим сердцем. Утром первое, что он делал, – шел в сад, чтобы взглянуть на свои растеньица. Вечером он никогда не ложился спать, их не полив.

Однажды утром он пришел в сад, и – вот радость так радость! – один левкой расцвел, да к тому же махровый!

Захлопав в ладоши и несколько раз подскочив от радости, он побежал к отцу.

– Папа! Папа! Пошли со мной быстро в сад!

– А что мне там делать?

– Я хочу тебе показать что-то очень красивое.

– Что же?

– Пошли! Пошли! Очень красивое!

– Ты дурень!

– Нет, действительно! Левкой, махровый!

– Отцепись со своим дурацким левкоем!

Но поскольку сердце маленького мальчика настолько было полно радости, что ее обязательно нужно было кому-то излить, он побежал к маленькому Килиану и показал ему красивый цветок.

Тот порадовался вместе с ним и постепенно завоевал любовь и доверие, которые Людвиг с большой охотой даровал бы отцу, если бы тот только захотел это взять.

Отказывай своим детям в невинных забавах, и они тебя возненавидят

Одному мужчине в пятьдесят лет выпала радость стать отцом. По причине возраста он был степенен и серьезен в своем поведении и хотел, чтобы его Густав был точно таким же.

Но тот был другим. Когда он стал твердо стоять на ногах, он ощутил свои силы и ловкость, прыгал, шутил и искал друзей, чтобы развлекаться с ними.

Это доставляло отцу немалое огорчение.

Иногда он брал с собой маленького Густава к своему компаньону, и они шли по полю. Если же тот гонялся за бабочками или бегал вприпрыжку по лугу, чтобы набрать цветов, то отец в негодовании тут же ему кричал: «Густав! Густав! Чего же ты бегаешь? Быстро ко мне! Фу, какой дикий уличный мальчишка! Посмотри, как хожу я! Разве ты не можешь ходить точно так же?»

Кегли, которые Густав получил в подарок от своего кузена, он сжег, а мяч, который сын однажды принес домой, порезал и сказал, что время, которое тот хотел потратить на игры, можно использовать лучше, если выучить главный раздел из катехизиса.

Если Густав находился при нем в комнате, то он должен был все время сидеть, не вставая со своего места.

Таким обращением этот мужчина добился того, что его сын настолько его возненавидел, что предпочитал общаться с самыми неотесанными людьми, нежели со своим отцом.

Когда отец умер, ни одна слеза грусти не пролилась из его глаз. «Хорошо, – думал он, – что я избавился от этого докучливого надзора, ведь теперь я могу жить, как хочу».

Высмеивая своих детей, ты тоже можешь вызвать у них к себе ненависть

1. Мастер Якоб настолько привык к насмешкам и издевкам над людьми, что не мог обходиться без них, даже когда разговаривал со своими детьми. Он никогда не мог мягко указать на их промахи, а делал это оскорбительным, язвительным тоном.

Если, к примеру, ребенок вечером засыпал на своем стуле, то, как правило, в наказание он рисовал ему чернилами или углем усы, а затем хвастался издевкой перед прислугой.

Однажды за столом его дочь пролила на фартук похлебку, он тут же сказал ученику, что, когда он от них уйдет, пусть закажет у плотника корытце, чтобы она впредь могла из него есть; вскоре он также раздобудет ей пару приятелей; соседская свинья родила прелестных поросят, он купит пару самых пестрых, пусть они составят Марте компанию! Но неразумная мать, вместо того чтобы пожалеть пострадавшего ребенка, залилась громким смехом, и все ее остальные дети рассмеялись вместе с ней.

Однажды во время игры Марта испачкала лицо, руки и одежду так, что и впрямь выглядела теперь весьма неопрятно. «Ай-ай-ай! – воскликнул отец, увидев ее. – Какая галантная барышня! Должно быть, она в самый раз подойдет Дректхомзену (имя одного глупого человека, над которым потешались уличные мальчишки). Не правда ли, Марта, это был бы милый возлюбленный для тебя?»

И это всегда происходило в присутствии служанки и ученика, которые обычно с громким смехом воспринимали подобные издевки, а потом точно так же дразнили детей.

Разве могли дети любить такого отца?

2. Несколько дней назад маленькая Луиза научилась у своей матери управляться со швейной иглой. Теперь она должна была под боком у матери пройти испытание своего умения и подшить носовой платок. «Хочется, – думала она, – сделать действительно хорошо, чтобы мама тебя похвалила, а отец – кто ж знает, что сделает он, если и впрямь хорошо получится!»

Нужно было видеть, как старательно шила славная девочка, от большого усердия она даже забыла съесть крендель, который ей дали на завтрак. Но Луиза была не только прилежной, ей и в самом деле хотелось очень хорошо сделать, и поэтому она, как только делала двадцать – тридцать стежков, подбегала к матери и спрашивала: «Так правильно, милая мама?» И тут же быстро опять бралась за работу.

Все шло к тому, что у нее должно было получиться как нельзя лучше, и – надо же! – славный ребенок так уколол себя в палец, что полностью растерялся, испугавшись непривычной и неожиданной боли. Девочка грустно протянула палец матери и скорчила такую несчастную рожицу, что могла бы разжалобить даже камень.

Но неразумная мать, вместо того чтобы пожалеть страдающего ребенка, разразилась громким хохотом, и все ее остальные дети рассмеялись вместе с нею.

И тут Луиза, полная негодования, бросила носовой платок и иголку, громко зарыдала, побежала на кухню и выплакалась.

Там она и нашла сочувствие и утешение, а маленькая Катрин проявила доброту, перевязав ей лоскутком раненый палец и заверив ее, что вскоре он заживет.

Но неуместная насмешка матери настолько ее обидела, что на какое-то время она ее возненавидела. Да и в дальнейшем не раз бывало, что мать ее высмеивала, когда она ударялась

или резалась, и в конце концов та стала ей совсем ненавистна, а мать совершенно не понимала, как такое могло случиться.

Как сделать, чтобы дети тебе не верили

Почаще лги и обманывай, и они больше не будут тебе верить

1. Первого апреля мать договорилась со служанкой и учеником подшутить над маленькой Сабиной. Вскоре заговор был осуществлен – Сабине было поручено в большом горшке, который ей дали для этой цели, принести из аптеки жир домового. «Сейчас, милая мама! – сказал невинный ребенок. – Я только накину свое пальтишко».

И вот она побежала вприпрыжку, полная радости от того, что могла оказать любезность матери. Но когда она пришла в аптеку, над ней посмеялись.

Рыдая, она вернулась домой и хотела осведомиться у матери, правильно ли она ее поняла.

Тут мать, ученик и служанка разразились звонким смехом и напомнили ей: «Разве ты не знаешь? Сегодня же первое апреля».

Сабина с негодованием развернулась, бросила на мать взгляд, полный презрения, будто хотела сказать: «Подлая женщина! Разве ты заслуживаешь, чтобы я впредь тебя называла мамой?»

Если по прошествии времени мать что-нибудь ей говорила или от чего-либо предостерегала, то Сабина думала: «Хм! Кто знает, правда ли это?»

2. У Франца появился братик. Когда он его увидел, то спросил отца: «Папа! Скажи мне все-таки, как появился братик?»

– Его принес аист.

– А где его взял аист?

– На улице перед воротами, там есть пруд, в котором плавают дети, оттуда и взял аист твоего братика.

Маленький Франц в это поверил, побежал к своей старшей сестре и рассказал ей о том, что только что узнал от отца.

Сестра посмеялась над легковерием мальчика и рассказала ему все, что знала о том, как рождаются дети.

Когда потом отец что-то рассказывал, маленький Франц обычно спрашивал: «Папа! А ты не обманываешь, как тогда с аистом?»

Как сделать, чтобы дети тебя презирали

Ознакомьте своих детей с вашими недостатками, и они точно будут вас презирать

Ганс и Грета довольно хорошо относились друг к другу, но у них обоих был такой темперамент, что мелочь, на которую в других семьях вообще не обращают внимания, настолько выводила их из себя, что они теряли всякую рассудительность. Утром они нередко нежнейшим образом обнимались и заверяли друг друга в любви, но в тот же час морщили лоб, хмурили брови, скрежетали зубами, открывали рты и произносили кучу грубых и оскорбительных слов.

Так, например, однажды Ганс страстно обнял свою Гретхен и сказал: «Наимилейшая Гретхен!»

Гретхен. О милый Ганс!

Ганс. Если бы я только мог тебе сказать, как я тебя люблю!

Гретхен. О, ты самый лучший на свете!

Ганс. Но дырку у Христофа в куртке ты все еще не зашила.

Гретхен. Так и знала. Стоит лишь встать с постели, как начинается брюзжание. Это...

Ганс. Но! Но! Я вправе все-таки об этом сказать, разве не я в доме хозяин?

Гретхен. Ха, ха, ха! Хозяин? Такой парень, как ты? Только не тебе говорить, кто в доме хозяин.

Ганс. Женщина, не разглажь! Ты должна быть благодарна Богу, что заполучила меня.

Гретхен. Ах, подумать только! Такого оборванца, как ты, можно найти где угодно.

Ганс. Ты, Гретхен, говори да не заговаривайся. Ты же ничего не делаешь, тебе совсем наплевать, что твои дети ходят как нищие. А твое белье – стыд и позор, что порядочному человеку приходится его видеть.

Гретхен. Фу! Что за болтовня. Тебе ведь только до самого себя есть дело!

Дети обычно очень жадно внимали таким перебранкам.

Заметив это, родители удваивали свои силы, обзывая друг друга самыми обидными и оскорбительными словами, потому что каждому хотелось убедить детей в том, что прав именно он, а не другой.

Дети мысленно признавали правоту обоих и считали того и другого никчемными людьми. В конце концов дело зашло так далеко, что они совсем перестали обращать внимание на приказы своих родителей, а родители никак не могли понять, почему так случилось.

2. Один человек имел тот недостаток, что если в компании своих друзей он выпивал стаканчик вина, то без раздумий выбалтывал все, что было на языке. Нередко он забывался настолько, что рассказывал обо всех своих юношеских сумасбродствах. Его распирало от смеха, когда он вспоминал, как в детстве накинулся на свою мать в чулане, где хранились яблоки, или о том, что он из озорства вытворял вместе со своими школьными товарищами и каким излишества предавался то в одном, то в другом трактире во время своих странствий.

Его дети находили в этих рассказах так много удовольствия, что зачастую оставляли лежать на столе нож и вилку, забывали про еду и питье, чтобы не упустить ни слова.

Правда, когда он это заметил, осекся и произнес: «Что поделаешь, если молод, молодо-зелено, погулять велено!»

Поскольку же дети знали, что они тоже молоды, то подумали: у них тоже должны быть пороки, и позволяли себе все излишества, которые совершал их отец, и еще многое другое.

Если затем отец делал им за это внушение, то обычно он мало чего добивался, ибо они думали: «Но ты ведь поступал не лучше!»

Побольше отдавай приказаний, но не расспрашивай, как их исполнили; всегда угрожай, не приводя своих угроз в исполнение, и вскоре ты станешь посмешищем для детей

1. Если судить по требованиям, которые хозяйка предъявляет к детям, то можно подумать, что их семья – образец порядка.

– Кристиана! Ты должна следить за чистотой в спальне и каждое утро ее убирать; вешать свою одежду в этот шкаф! Белье класть в этот ящик! Помни об этом!

– А ты, Вильгельм, должен полоскать стаканы и чистить нож; весь день ты должен справляться, за чем мне тебя нужно послать! Заруби это себе на носу!

Эти речи она вела ежедневно и ежедневно устанавливала им новые законы, не выясняя, как исполнялись старые. А маленькая Кристиана не убирала спальню и бросала свою одежду и нижнее белье там, где снимала; Вильгельм же не полоскал стаканы и не чистил нож, а весь день проводил, конечно, на детской площадке.

В конце концов дело зашло так далеко, что дети поворачивались спиной и смеялись, когда мать хотела установить им новые правила.

2. «Посмей еще раз хлопнуть дверью, и ты узнаешь где раки зимуют! Если ты еще хоть раз сядешь с невымытыми руками за стол, то непременно получишь на обед сухой хлеб! На этот раз я тебе это прощу, но если ты опять так поступишь, то я непременно задам тебе такую порку, какой ты еще никогда не получал! Так, посмотри на меня! Ты, наверное, думаешь, что это была шутка? Только посмей! Ты увидишь, что со мной шутки плохи».

Таким тоном отец каждый день говорил с детьми. Его слова были сплошными угрозами, которые никогда не исполнялись.

Дети это вскоре заметили. Они хлопали дверью, с грязными руками садились за стол, повсюду озорничали, ничуть не боясь угроз отца.

Из-за этого добрый человек входил в такой раж, что его всего трясло, он так бил кулаком по столу, что звенели стаканы, и божился, что однажды задаст другим наглядный урок на примере своих детей, который они на всю жизнь запомнят.

«Хм! – думали тогда дети, – так быстро это не получится».

3. «Скоро Рождество! Тот из вас, кто и вправду был благочестивым, получит что-то очень красивое. А кто был плохим, тому кроме прута ничего не достанется».

Эти речи фрау Лора произносила своим детям каждый день, начиная с первого предрождественского воскресенья. Константа, который и без того был добрым и послушным мальчиком, они еще больше подвигли на добрые дела, но Клару, маленькую ветреницу, они нисколько не побудили отказаться от своего легкомыслия. Она осталась такой же шаловливой, ленивой и злой, как прежде.

Констант часто выговаривал ей за это и напоминал, что она может получить дополнительный подарок на Рождество.

«Хм! – отвечала Клара, – непременно; еще до того как наступит Рождество, мать все забудет!»

И вот наступило Рождество. И что же произошло? Добрый и послушный Констант получил целый чан яблок, орехов и пару новых брюк; зато непослушная Клара получила точно такую же большую корзину, полную яблок и орехов, да к тому же еще и красивую юбку, которая, наверное, стоила не меньше, чем брюки Константа.

«Ну что, съел?! – сказала она ему. – Что я тебе говорила? Я все-таки не была душой и не побоялась ругани матери». Константин взял себе это на заметку. Если фрау Лора впредь говорила о пруте или палке, то он смотрел на Клару и посмеивался.

Способ заблаговременно вселить в детей ненависть и зависть к своим братьям и сестрам

Лиши своей любви одного и подари ее кому-то другому!

Два брата, Кристиан и Христоф, по существу, были добрыми мальчиками, но обладали совершенно противоположными нравами. Кристиан был веселым и остроумным, Христоф – наоборот, угрюмым и недовольным. Каким был их нрав, такими были и их повадки. Кристиан всегда был улыбочивым, на лице его читалась любезность. Христоф всегда выглядел серьезным и мрачным, его редко видели смеющимся. Тот всегда передвигался вскачь и вприпрыжку, этот имел неуклюжую походку. Тот был очень богат на шуточные мысли, и тем беднее был этот. И даже если оба они произносили одно и то же, благодаря своему дружелюбию Кристиан выражал свои мысли лучше, чем Христоф. Если Кристиан говорил: «А мне будут вишни?» – то отказать ему было почти невозможно. А если Христоф говорил: «А мне будут вишни?» – то казалось, будто он проявлял невоспитанность.

Совершенно естественно, что все, кто не знал добрую душу Христофа, им пренебрегали и отдавали предпочтение Кристиану. Дети толпились возле него и вовлекали его в игру, а того оставляли стоять в стороне; если в дом приходили чужие люди, то они без устали расточали Кристиану похвалу и лесть; а доброго Христофа попросту не замечали.

В конце концов это зашло так далеко, что сами родители заглядывались на Кристиана, а Христофа лишили чуть ли не всей любви.

Уже тон, которым они говорили с обоими, был совершенно различным, так что можно было подумать, что Христоф – пасынок.

– Кристианчик, ты не мог бы принести мне стакан воды?

– Так, Христоф, возьми стакан! Принеси его полным воды!

– Иди ко мне, голубоглазый птенчик! Я кое-что тебе принесла. Вот смотри – вишни!

– Так, Христоф, вот тебе тоже вишни!

– Ах! Милый Кристиан, у тебя все личико синее от черники.

– Разве можно так выглядеть мальчику – как свинья! Как будто у меня других дел нет, как за тобой стирать.

– Кристиан! Кристиан! Если ты мне еще раз это сделаешь, то держись. Я не люблю наказывать, ты это знаешь. Но если ты по-хорошему не понимаешь, ты ведь знаешь, что такое розга?

– Негодный мальчишка! Что ты наделал? Если посмеешь сделать так еще раз, то, будь уверен, я так надеру тебе уши, что ужом будешь вертеться.

Каким разным был тон, которым эти люди говорили со своими детьми, точно так же по-разному они вели себя с ними.

При самых серьезных проступках Кристиан отделялся небольшим замечанием. Христофа же строго наказывали при малейших провинностях; тот получал то медовую коврижку, то миндальное пирожное, то персик, а бедный Христоф оставался ни с чем. Наверное, с десятков раз за день мать щипала Кристиана за полные щеки, а добрый Христоф – так он лишь однажды получил ласку! За столом Кристиан всегда получал первый и лучший кусок; если родители шли на прогулку, то ему нужно было лишь покоситься своими голубыми глазами на мать и отца, чтобы пойти вместе с ними; а Христоф – тот всегда должен был оставаться дома; его взяли с собой лишь однажды, и ему это было преподнесено как особая милость. Само собой разумеется, Кристиан имел предпочтение и в одежде, и ему всегда старались привязать или приколоть что-нибудь такое, что бросалось в глаза.

Из-за этого Христоф с каждым днем все больше ожесточался. Он невзлюбил своего брата. Если тот получал что-то в подарок, то, вместо того чтобы порадоваться за него, он злился; и наоборот, если Кристиану делали замечание, если тот ударился или упал, то он испытывал радость. Обычно Христоф мало смеялся, но однажды все-таки можно было его увидеть смеющимся, когда со шкафа упал красивый цветочный горшок, полученный его братом от матери.

Злость в его сердце каждый день получала подпитку и стала настолько сильной, что в конце концов он не мог ее больше скрывать.

Вначале он просто бранился. Если Кристиан получал что-нибудь до него, то он разражался всякого рода неподобающими речами: «Это правда непозволительно – Кристиан получает все, я не получаю ничего, ой-ой-ой, я точно такой же ребенок», – остальное он бормотал сквозь зубы, которые обычно скрежетали от злости.

Впоследствии он зашел так далеко, что стал строить своему брату всевозможные козни. Он вырывал страницы из его книг, пачкал его одежду, они каждый день нападали друг на друга, ругались и дрались, а поскольку у Христофа кулаки были крепкие, он часто валил своего брата, хватал его за волосы и бил головой о землю.

Разумеется, его каждый раз за это наказывали, но это нисколько не помогало. С каждым днем он вел себя хуже и хуже, и его мать не раз говорила: «Если бы я только знала, откуда все это взялось! Он неисправим! Ему каждый день устраивают порку, а он все такой же злой!»

Когда наказываешь одного ребенка, похвали другого!

Фрау Анна в своем поведении была немного вспыльчивой. Если ребенок допускал какую-нибудь оплошность, то она обрушивалась на него, трепала за волосы, давала ему оплеуху и била кулаком. Устав, она опускалась в кресло, читала долгие нотации, а затем обычно обращалась к другому ребенку, который в этот день обошелся без побоев, и точно так же преувеличенно произносила ему хвалебную речь.

Чтобы меня лучше поняли, я все же хочу привести пример.

Маленькая Катрин, ее старшая дочурка, однажды забавлялась возле воды. Она бросала в воду деревяшки, говорила, что это кораблики, и получала от этого удовольствие. Затем ей захотелось ловить рыбу, она опускала руки по локоть в воду и если ухватывала камешек или кусочек железа, то кричала своим подружками: «Эй! Я поймала рыбу! У меня карп! У меня форель!» Так забавляясь, Катрин потихоньку настолько промокла, что вся ее одежда стала насквозь мокрая. А маленькая Христина, которой на этот раз нравилось ошипывать пару молодых воробьев, в этой забаве участия не принимала и поэтому осталась сухой.

И вот фрау Анна увидела свою насквозь промокшую Катрин и тотчас – шлеп, шлеп – отвесила ей пару крепких оплеух. Она схватила ее за волосы, поволокла в комнату, еще несколько минут трепала ее, а затем, запыхавшись, опустилась в кресло и прочла ей еще следующую нотацию: «Ты – Богом забытый ребенок! Стыд тебе и позор! Я наряжаю ее и наряжаю, а все по-прежнему. Я все уши тебе уже прожужжала, а ты все такая же. Твое место в свинарнике, замарашка, форменная неряха. Как она тут стоит; штахета ты этакая! Недотепа! Только сегодня я тебе подвязала белый фартук – а как он уже выглядит! Фу! Я бы со стыда удавилась, если бы была ребенком у приличных людей и так по-свински себя вела! А вот Христину мне хочется похвалить! Какая чистая она тут стоит, словно ее котенок вылизал! Вот в ней что-то есть! Она никогда не совершит такой глупой выходки! Ну, подойди же, моя дорогая Христинка! Я хочу тебя поцеловать. А о Катрине – фу! я и знать о ней больше ничего не хочу – гнать ее нужно поганой метлой!»

Если же на другой день Христина делала что-нибудь не по матери, то такую же головомойку получала она, а Катрин ставили ей в пример.

Какую цель, собственно говоря, преследовала фрау Анна таким поведением по отношению к своим детям, я не знаю.

Но если этой целью было натравить детей друг на друга, то она успешно ее достигла.

Они так ожесточились друг против друга, что с удовольствием выкололи бы друг другу глаза. Ребенок, которого расхваливали, всегда злился на наказанного, потому что тот доставил матери так много огорчений, а наказанный негодовал, что сестренке, которая ведь ничем не была лучше нее, доставалась такая похвала.

**Будь очень мягок, когда твои дети обижают друг друга,
и остерегайся досконально разбираться в их ссорах**

Марианна очень хорошо умела вкрасься в доверие к своим родителям, но не будет неправдой сказать, что она бывала также очень коварной, а иной раз и злой. Если у ее брата появлялась какая-нибудь вещь, которая нравилась ей, то она ее или надевала, или рвала, или разбивала, или скручивала. В таком случае Вильгельм начинал истошно вопить. Прибегали родители.

– Что такое? – восклицали они.

– Марианна, – отвечал Вильгельм, – забрала мои фишки и разорвала картинку.

– Надо ли поднимать такой шум из-за мелочи? А ну, утихомирься! Как долго это будет продолжаться? Ей эта игрушка надоест, она ее бросит, и ты сможешь взять ее обратно.

Таким было обычно все моральное удовлетворение, которое получал Вильгельм за обиды, которые ему наносила сестра.

Иногда, если дети начинали кричать, родители прибегали тоже и, не выясняя, кто затеял ссору, лупили обоих. Обычно особенно доставалось Вильгельму, потому что он имел обыкновение кричать громче всех.

Это так его злило, что он начал пытаться сам за себя постоять. Если сестра учиняла с ним злую выходку, то он набрасывался на нее и хватал за волосы, и истязал, и они так друг на друга озлобились, что всю жизнь ненавидели один другого лютой ненавистью.

Как заглушить у детей любовь к людям

Говори в присутствии своих детей побольше плохого о людях

1. Господин Оргон ставил свое кресло так, чтобы он мог видеть оттуда всю улицу и наблюдать за прохожими. Поскольку ему нечего было больше делать, он занимался тем, что обсуждал прохожих и этими суждениями развлекал свою женушку и детей. Эти суждения сплошь да рядом оказывались очень язвительными.

– Как все же лихо вышагивает Кетхен, будто и воды не замутила! Она, конечно, думает, что город уже забыл, что в прошлом году произошло с ней и с соседом? Хм!

– Вот идет дочка мастера Фридриха. Кто ее получит в жены, вот уж налюбуется ею: как она вырядилась, как виляет хвостом!

– Взгляните все сюда! Какой доктор Н. чванливый! Черт побери! Эх, будь улочка чуть пошире. Если бы он все же вспомнил о деньгах, которые ему нужно еще заплатить зятю, то вся его спесь сразу пропала бы!

– Подумать только! Мастер Йоргенс Готфрид, настоящий пропойца, в чулках! И все же наверняка у него нет рубашки на теле.

– Дети Н. ходят как оборванцы! Как они жалко выглядят – как будто куры отняли их хлеб! Хотя о мертвых принято говорить лишь хорошо, но их отец – утешь его Бог, если его можно утешить! – был подлецом. Сколько же зла он натворил в своей жизни! И все-таки Божья кара его не минует.

– Эй, крестьянин! Почем твое зерно? Восемь грошей осьмина? Мы что, дураки? (*Своим детям:*) Все верно, и все же нет большего проходимца на свете, чем крестьянин. Если он что-нибудь продает горожанину, то всегда подсовывает всякую дрянь, а лучшее оставляет себе. Тухлые яйца, молоко, которое пили мыши, больных кур и гусей – все это он несет на рынок, а наш брат должен все это съедать.

– У мастера Франца новый рокелор?¹³ Наверняка он сделал пару хороших подвенечных платьев, чтобы присвоить несколько аршинов сукна. Я как-то слышал: все без исключения портные, мельники и ткачи – жулье.

– Смотрите! Вот мимо идет фрау Марципиллен. Какая важная! А если подумать, как женщина обычно взбирается так высоко! Ни в одной лавке ей не было что-либо по карману. «Все воскресенья должно быть жаркое – все дни два раза кофе». Ах, ах! Ей бы сейчас иметь хотя бы вдоволь селедки и ковента!¹⁴

– Скорее, дети! Видите там человека в коричневом пиджаке? Это как раз тот, кого в прошлом году обвинила служанка.

Таковыми вот язвительными и бессердечными были суждения, которые господин Оргон выносил о своих знакомых. Ничего хорошего ни о ком он не говорил.

У всех людей он выискивал недостатки, которые отчасти давно уже были забыты, а если не мог их найти, то старался хотя бы зародить подозрение.

Дети, которые все это с любопытством выслушивали, постепенно стали приходить к мысли, что все люди – мошенники и дураки и что, кроме них, их папы и мамы, хороших и разумных людей на всем белом свете не существует.

¹³ Рокелор – дорожный или непромокаемый плащ, получивший свое название по имени его французского изобретателя.

¹⁴ Слабое пиво, которое варили монахи, в отличие от более крепкого пива, которым потчевали высшее духовенство в монастырях.

Они с презрением смотрели на весь род человеческий, всегда думали лишь о себе, и никогда им не приходила в голову мысль что-нибудь сделать для счастья других людей.

2. Однажды Луиза, совершенно расстроенная, вошла в комнату и полезла в копилку.

– Ну? – спрашивает отец, – что случилось?

– Ах! Там, на улице, совсем бедная женщина. Она сказала, что у нее сегодня еще маковой росинки во рту не было и что у нее подагра.

– Ты не спросила, как ее зовут?

– Анна Барбе – это женщина с клюкой, которую я тебе уже однажды показывала.

– Разве? Ладно, тогда ты можешь сберечь свои деньги. Эта женщина все промотала. Иди! Скажи ей, что если бы в молодости она лучше хозяйничала, то ей не пришлось бы теперь попрошайничать.

– Я действительно не могу на это решиться.

– Тогда это сделаю я. Дружище! Разве не стыдно обременять других людей? Разве у вас нет своего дома, нет сада? Вы ведь берете за горло, не так ли?

– Боже мой, дорогой господин!

– Давайте! Давайте! Убирайтесь, или я покажу вам что-то другое.

Так бессердечно этот человек обходился со всеми бедными. Если все же по причине зажиточности ему иной раз приходилось отдавать пфенниг, то он все же старался заставить их расплатиться за этот пфенниг выслушиванием самых язвительных замечаний. То он говорил, что они лодыри и тунеядцы, которые не хотят работать, а ведь он тоже должен работать, то уверял, что они повергли себя в нищету своей прошлой безалаберной жизнью, что надо было правильно вести свои дела, чтобы выбиться в люди, он, мол, лучше всех знает, как надо жить бережливо. Если же о помощи его просили калеки, которых он не мог обоснованно обвинить ни в лени, ни в мотовстве, то он говорил: «Кто знает, где они это заработали! Без причины Бог ничего не делает!»

Благодаря подобным речам благодетельная Луиза стала совершенно бесчувственной к нуждам бедных людей, более того, с течением времени она стала испытывать к ним самое настоящее отвращение. Если бедные люди жалостливо умоляли ее помочь, то она равнодушно проходила мимо и думала: «Какое тебе дело до всего этого сброда, а свои деньги ты можешь потратить и лучше».

3. Матери маленькой Лоры, как она говорила, ужасно не везло со служанками. Она давно уже искала прислугу, которая полностью ее бы устраивала, но, к сожалению, не может найти. Каждый год она выгоняла трех-четырёх служанок в надежде, что когда-нибудь наконец у нее появится и в самом деле хорошая, но такую она так и не приобрела. «Одну чертовку, – имела она обыкновение говорить, – я прогоняю и получаю снова другую». Одна была слишком медлительная, другая – слишком нахальная, у третьей был такой вид, будто она хотела всех поубивать своими глазами, четвертая без умолку болтала. Словом, каждая из шестидесяти служанок, которые у нее побывали за шестнадцать лет супружеской жизни, имела свой большой недостаток.

И она всегда его замечала. Как только речь заходила о служанках, она с величайшей горячностью рассказывала, чего ей пришлось натерпеться с Юлиями, Христинами и Катринами, и имела обыкновение добавлять, что этот сброд не стоит того, чтобы подать ему даже кусок хлеба.

Если служанка допускала какой-нибудь промах, то надо было только услышать тот шум, который она из-за этого подымала! «Мерзавка, – говорилось обычно, – ты недостойна того, чтобы тебе солнце светило. Ну что за дура! Ты разве не знаешь, что ешь мой хлеб?» и т. п.

Под боком этой матери и росла маленькая Лора. С утра до вечера ей прислуживали служанки, они ей стелили постель, стирали ее белье, пекли ей хлеб, штопали ее одежду, готовили ей еду, из самых отдаленных районов города приносили ей все, что ей хотелось, и ни разу ей не приходила в голову мысль поблагодарить Бога за благодеяния, которые он ей расточал через служанок, ни разу ей не приходила в голову мысль хоть как-то проявить признательность за то многое добро, которое делали ей служанки.

Напротив, она обращалась с людьми, которые оказывали ей столько услуг, самым пренебрежительным образом. «Дура», «обезьянья морда», «недотепа» – такими были обычные прозвища, которые она им давала. И если что-нибудь было не так, как ей хотелось, если, к примеру, рвалась тесьма или не хотел правильно сидеть головной убор, то тогда звали служанку, чтобы она могла излить на нее свое недовольство.

Если бы кто-нибудь стал так обращаться с ее болонкой, то хотел бы я посмотреть, каково бы ему это было!

Как научить детей жестокости

Заблаговременно приучи их испытывать удовольствие при виде боли и мук невинных созданий

Сосед Килиан, по единодушному мнению всей деревни, был самым настоящим варваром. Он не знал большего удовольствия, чем мучить своих домашних животных. Обычно он спал под церковную музыку, но если слышал визг страдающего существа, то тогда у него появлялась ухмылка, он наслаждался.

После еды его обычное времяпрепровождение состояло в том, что он поднимал свою собаку за уши и сильно тряс; чем жалобнее она скулила, тем больше сверкали глаза Килиана, он стискивал зубы и тряс ее до тех пор, пока не задыхался. Если он скакал верхом хотя бы час, то лошадь должна была быть вся в пене, а сходя с нее, он всякий раз осматривал окровавленные шпоры. Он всегда сажал на свою телегу столько крестьян, что лошади едва могли сдвинуться с места, а если они хотели остановиться, то он тут же к ним подскакивал и так яростно колотил их дубинкой, толщиной в руку, что всем присутствующим из-за воплей приходилось отворачивать свое лицо. Поэтому у его лошадей всегда были ссадины размером с чайную чашку. Когда он шел рядом с лошадьми, то не отводил от них глаз, так что казалось, будто для него это было не печальное зрелище, а загляденье.

От побоев и страха его жена была полностью парализована, а ее здоровью после последних родов был нанесен последний удар, когда за то, что она потеряла ключ, он вытащил ее за волосы из кровати, зажег голову между дверьми, приставил к шее пилу и грозил перепилить ей шею.

Если он наказывал своих детей, а это очень часто случалось, то связывал им руки, подвешивал их и так бесчеловечно стегал свитой веревкой, что у них часто выступала изо рта пена.

Чужую служанку, которую он застал на своем лугу, когда та ощипывала траву, он так избил, что та осталась лежать полуживой, и ее жизнь удалось спасти лишь с великим трудом.

Когда он замечал, что у него воровали фрукты, то устанавливал самострелы, и все утро досадовал, обнаружив, что никто не застрелился.

Его обычной угрозой было: «Погоди, я разрублю тебя на мелкие части; однажды поймаю тебя и проверну нож в твоём теле».

Если родственники говорили ему, что для него все плохо кончится, если он не изменит свой лютый нрав, то всякий раз он отвечал им словами: «Пошли прочь! Все равно когда-нибудь я помру. Или в постели, или на виселице, или на лобном месте – какая мне разница».

Такой своеобразный человек, должно быть, имел и свое-образное воспитание. Хотя и при обычном воспитании формируются многие странные существа, все-таки редко услышишь о таком странном субъекте, как Килиан.

После того как я долгое время тщетно пытался собрать точные сведения о его воспитании, в конце концов я повстречал одного его старого школьного товарища, которого спросил, не знает ли он, как все-таки получилось, что сосед Килиан стал таким ужасным чудовищем.

– Об этом легко догадаться, – ответил он, – разве могло быть иначе? Его отец – упокой, Господи, его душу – тоже был человеком никчемным. Ничего на свете он так не любил, как доставлять неприятности людям. Двое его сыновей не смогли с ним ужиться и отправились в морское плавание.

– Что ж, тогда легко понять, откуда взялась у Килиана жестокость. Но не можете ли вы припомнить, – спрашиваю я, – как с ним занимался отец, когда тот был еще маленьким?

– Думаю, что могу. Ведь я часто бывал у них дома, мы были соседскими детьми. Пожалуй, могу добавить, что маленький Килиан был избалованным ребенком и что отец приносил ему все, чем мог доставить ему радость.

– И что это было?

– Он разорял птичьи гнезда и приносил птенцов Килиану. Тот брал их и ощипывал, отрезал им крылья и лапы и смеялся до упаду, когда они катались в крови и пищали. Он притаскивал ему и отдавал на растерзание всевозможных щенков, мне самому было жалко бедных животных! Он не обезглавливал голубя, а сперва выкручивал ему крылья и давал поиграть с ним Килиану. А если резал курицу, то всякий раз делал так, чтобы она бегала с перерезанным горлом, при этом садился вместе со своим мальчиком и помирал со смеху от кувырков, которые совершало бедное животное.

– Так! Так! Если Килиана так воспитывали, то неудивительно, что он стал таким тираном. Кто выродился настолько, что получает удовольствие от страха и писка птенца и визга щенка, тот, когда вырастает, и сам обычно любит мучить людей и животных.

Как сделать детей мстительными

Если они недовольны, то всякий раз давай им нечто такое, на чем они могут выместить свое недовольство

Если маленький Густав падал или ударялся, то он всегда поднимал такой жуткий крик, что весь дом вставал от него как по тревоге. Прибегали напуганные родители и пытались его успокоить, причем следующим образом: они спрашивали его, как он упал, обо что ударился. Затем они приносили кнут или розгу, били ими по вещи, которая, как он считал, его обидела: «Ты гадкий камень! Надумал свалить маленького Густава! Я тебя научу быть вежливым! Ты подлый стул! Это ты ударил бедного ребенка по голове? Я тебя так поколочу, что навеки запомнишь!» Так говорили они, затем вкладывали кнут Густаву в руку, чтобы он тоже ударил с размаху, и таким образом он успокаивался.

Особенно необузданным он становился в том случае, если мама хотела его умыть. Вместо того чтобы настоять на своем и убедить его, что он сам испачкал лицо из-за своего легкомыслия, она всегда перекладывала вину на бедного Филара. «Это все, – говорила она, – из-за гнусной собаки, которая опять была тут и испачкала твое личико. Но погоди! Уж мы с ней сочтемся». И тогда Густав всякий раз косо смотрел на собаку. И едва отнимали от лица полотенце, тут же принимались колотить бедного пса.

Так Густав постепенно привык, каждый раз сталкиваясь с чем-то ему неприятным, набрасываться на ближайший предмет и вымещать на нем свою злость.

Поскольку теперь чаще всего рядом с ним находилась служанка, то именно ей и приходилось обычно испытывать на себе его гнев. Он бил ее, царапал и кусал. Часто это происходило в присутствии матери, но ничего неподобающего она в этом не находила.

Когда однажды он расцарапал служанке лицо и та настолько вышла из себя, что ударила его по рукам, из-за этого поднялся сильный шум. Родители бранили и оскорбляли ее. «Что вы себе вообразили, – говорили они, – что поднимаете руку на нашего ребенка? Вы ведь видите, что это маленький ребенок. Толстую крестьянскую шкуру сразу не порвешь».

И служанке тотчас пришлось убраться из дому.

Так воспитывали Густава, который, когда подрос, не раз избивал своих старых родителей и измывался над ними самыми ужасными речами, в ярости набрасывался на каждого, кто его обижал, а если не мог отомстить человеку, то ломал стулья и бросал на пол кружки.

Если кто-то обидел твоего ребенка, то убеди его, что его серьезно обидели и он не должен давать обидчику спуску

Однажды после школы Мельхиор прибежал на детскую площадку и по-всякому там озорничал. Помимо прочего он забавлялся тем, что бросал в своих товарищей комьями земли и камнями, а они в ответ стали кидаться в него.

Пару минут все было весело и замечательно. Дети друг в друга не попадали, а если иной раз и попадали, то все же обходилось без травм.

Но вот маленький Иоганн бросил так неудачно, что попал Мельхиору в голову и пробил ему лоб. Тут все начали причитать. «Беда! Беда! У Мельхиора в голове дырка!»

Особенно безутешен был Иоганн. Он обнял окровавленного Мельхиора, поцеловал его. «Ах ты бедный шалун! – сказал он, – я не хотел этого сделать. Я не думал, что попаду в тебя. Ты тоже попал мне по коленям. Пошли со мной к воде, я тебя умою. Только не говори своему

отцу! Слышишь! Мельхиор! Ради бога, не говори своему отцу, а то он меня побьет. Ладно? Обещай мне».

Мельхиор был растроган. Он понимал, что сам был виноват в своей напасти, потому что именно он затеял безрассудную игру. Кроме того, его пожалел бедный Иоганн, который так явно продемонстрировал свое раскаяние. Поэтому он поклялся, что своему отцу ни о чем не расскажет.

Тем не менее умолчать о случившемся было нельзя. Ведь голова была все же разбита, и Мельхиор не мог этого скрыть. В течение часа он не попадался отцу на глаза; но когда его позвали к столу, ему пришлось появиться, и отец сразу заметил, что голова у Мельхиора разбита.

– Ну! Что такое? Что с глазом? Я полагаю, ты разбил голову? Храни тебя Господь! Что же с тобой случилось?

– Я упал.

– Упал? Чего ж ты упал? Кто знает, чем ты занимался, где ты был?

– На детской площадке за церковью.

– А кто там был из мальчиков?

– Кристиан, Готфрид и Якоб.

– Больше никто?

– И... и Иоганн.

– Ну, я все же спрошу мальчиков, что произошло. И если узнаю, что ты меня обманул, то непременно тебе этого не спущу. Прямо сейчас оденусь и пойду.

– Я хочу только сказать: один из них в меня бросил камнем.

– Кто? Кто в тебя бросил?

– Мне кажется, Иоганн.

– Вот ведь мерзкий негодник! Невежа! Так бросить! Жена, у нас беда! Этот негодник Иоганн бросил камнем в нашего Мельхиора. Смотри, у него в голове дырка! Если бы попало на толщину пальца ниже, он мог бы выбить ему глаз. Тогда это был бы несчастный случай, и нам пришлось бы кормить калеку. Он мог бы его убить. Но погоди! Погоди! Я хочу тебе кое-что сказать», – и тут он взял с собой Мельхиора и направился вместе с ним домой к Иоганну.

И все же он шел не так быстро. Ибо всем, кого он встречал, показывал рану на лбу Мельхиора и громкоголосо рассказывал о злом поступке Иоганна, гнусного негодяя. И вот собралась толпа женщин, мужчин и детей, все они обступили Мельхиора, хотели увидеть рану, разводили руками и уверяли, что отец не должен просто так оставить этого дела. И вот процессия подошла к дому Иоганна.

Тем временем Мельхиор совершенно переменялся. Теперь он начал понимать, что Иоганн, должно быть, сквернейший мальчик, и очень радовался тому, что подобного негодяя, который подбил ему глаз или вовсе хотел убить, изрядно накажут.

Наконец они оказались перед домом Иоганна. Отец Мельхиора постучал в дверь так, что она едва не треснула. Отец Иоганна выглянул в окно, увидел толпу людей и столпотворение перед своим домом, подошел полуживой от страха и открыл дверь.

Но еще больше он испугался, когда отец Мельхиора набросился на него с самыми вульгарными и грубыми словами, назвал его никчемным человеком, а его семью – мерзким отродьем и стал угрожать предъявлением иска и тюрьмой.

При таком поведении отец Иоганна, должно быть, потерял всякое самообладание. Он взял под защиту своего сына, выругался в ответ, в конце концов выставил Мельхиора вместе с его отцом из дома и захлопнул дверь.

На другой день он выяснил, как все случилось, и как следует наказал Иоганна.

Но отец Мельхиора этого не видел. Поэтому он все дни напролет говорил о несчастье, которое мог принести Иоганн, и поклялся ему отомстить.

И он сдержал свое слово. Ибо однажды, повстречав Иоганна на улице, он так отлупил его своей испанской тростью, что тот не мог оправиться много дней.

И так отец Мельхиора вел себя постоянно. Если вдруг его мальчика кто-нибудь отругал или ударил, то он всякий раз поднимал ужасный шум. Он ругался на мальчиков, которые его обидели, и на их родителей, поджидал их перед дверью и с ними бранился.

Если Мельхиора наказывали в школе, то он приходил к учителям домой и говорил им величайшие грубости. «Надо быть воспитателями, а не школьной прислугой, они не знают, чего стоит вырастить ребенка», – таковы были обычные комплименты, которые они получали.

При таком воспитании Мельхиор стал именно тем, кем и должен был обязательно стать – мстительным мальчиком. Если его кто-нибудь обижал, то он так горячился, что терял всякую рассудительность. Он не думал, что сам часто провоцировал оскорбления и что поэтому его обидчик не был таким уж злым, как он считал. «Я этого не оставлю, тебе это дорого обойдется», – такими были угрозы, которые он обычно выкрикивал, если кто-нибудь его обидел.

И действительно, его нельзя обвинить в том, что он когда-нибудь кому-то не давал спуска. Мальчиком, подростком, взрослым человеком он всегда вел бой до конца. Он либо мстил своим языком или своими руками, либо тащил своих противников в ратушу и там решал с ними дело.

Но теперь ему все же приходится давать спуску. Его состояние, которое досталось ему от отца и которое существенно увеличилось еще и благодаря наследству богатого кузена, было израсходовано на денежные штрафы и судебные издержки. Даже дом был продан, и он вынужден жить очень бедно на подаяния своих родственников. Ему теперь, разумеется, часто приходится слышать самые язвительные насмешки и самые жестокие обвинения, а он ничего не может поделать, кроме как стиснуть зубы и грозить кулаком.

Как сделать детей завистливыми

Всегда представляй им счастье других людей как большое несчастье

Госпожа Элеонора имела большое пристрастие обращать на себя внимание одеждой и убранством своего дома и – малый доход, которого едва хватало на то, чтобы покрывать самые необходимые траты. Это ее очень расстраивало.

И все же она легко преодолела бы свое горе, если бы только другие люди жили точно так же бедно. Но дело обстояло иначе. Ей всегда приходилось слышать о людях, имевших большой доход, получивших наследство, удачно женившихся, выигравших в лотерею, и такие известия были для нее, как она имела обыкновение говорить, настоящим гвоздем в крышку гроба.

Напротив нее жила ее сестра, вышедшая замуж за зажиточного торговца, в лавке которого редко бывало пусто, потому что он был очень душевным и своим радушием всегда привлекал к себе многочисленных покупателей. И вот госпожа Элеонора вместе с Фикхен, своей дочерью, сидела у окна и наблюдала. Как только кто-нибудь заходил в лавку и по его костюму она могла заключить, что тот имеет при себе туго набитый кошелек, у нее начинало колоть сердце, и она горько вздыхала: «И вправду, у других все складывается по их воле и желанию – вот сидит моя сестра, важная, словно придворная дама, к ней текут и текут деньги, а мне хоть кто-нибудь что-нибудь принес?»

Однажды она услышала, что ее соседка получила наследство от богатого кузена – это ее расстроило окончательно. Она вернулась домой с трясущимися руками. «Ты можешь себе представить, Фикхен, – сказала она, – наша соседка, которая и так уже не знает, как ей задрать нос еще выше, получила в наследство 3000 талеров. Можно лопнуть от злости, если взглянуть, как мир устроен. Я хочу только посмотреть на спектакль, который устроит эта женщина! Накупит зеркал, комодов! Заметь, как она вырядится! Не буду больше смотреть на всю эту мерзость. Лишь ты, бедная девочка (здесь она разразилась слезами), лишь ты меня жалеешь, только тебе – ах, мое сердце не выдержит, – тебе придется остаться в таком безбожном мире, с этой сволочью!

Получив известие, что дочь ее сестры стала надворным советником, она свалилась в конвульсиях.

У Фикхен было поистине доброе сердце. Она жалела добрую мать, плакала, если видела ее плачущей, ругалась вместе с нею, если мать бранила других, поскольку думала, что этим дает ей некоторое облегчение.

Но вследствие подобного обращения в сердце Фикхен зародилась некая штука, которую принято называть завистью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.